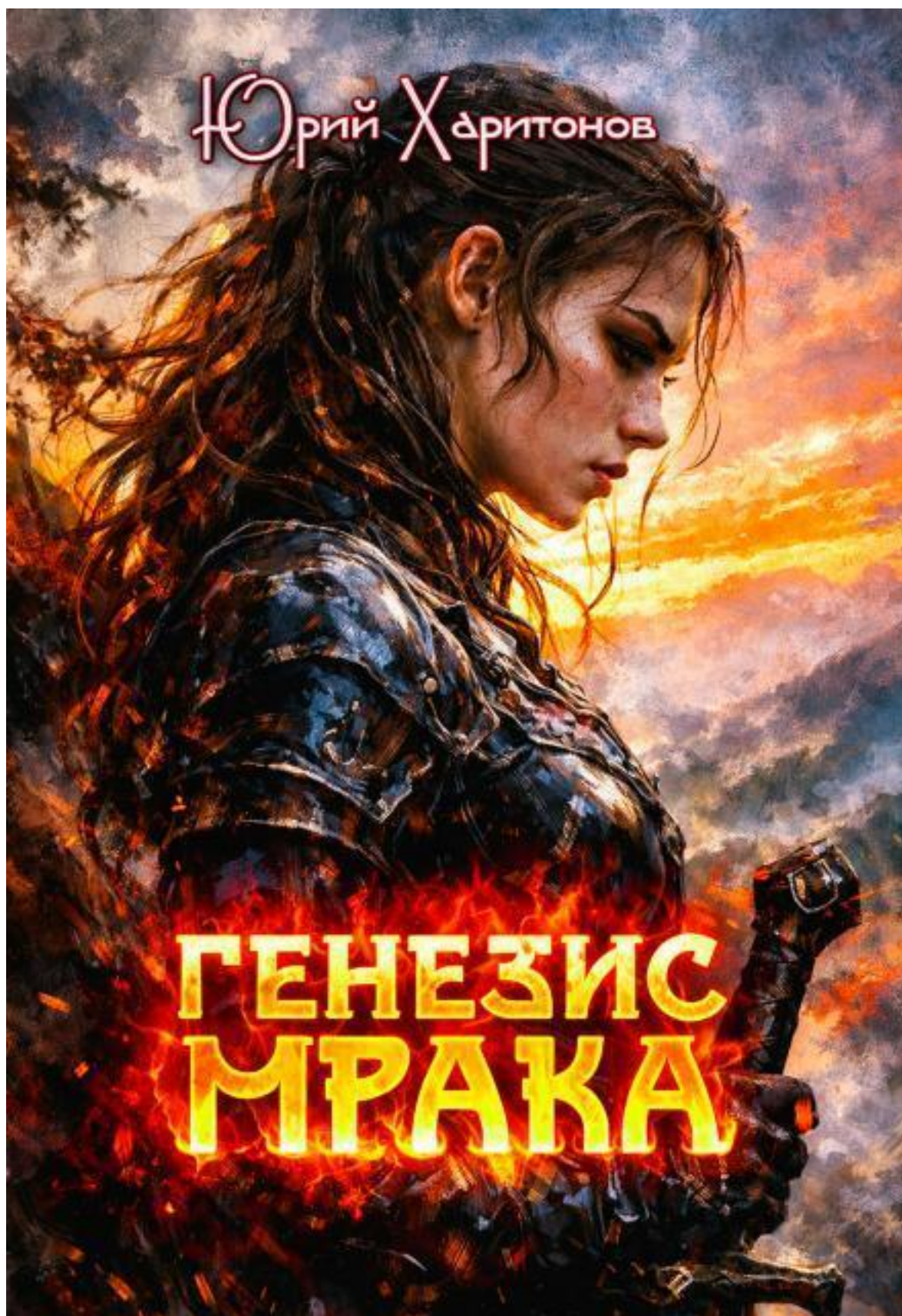

Юрий Харитонов

ГЕНЕЗИС МРАКА

Юрий Харитонов

Генезис Мрака

«Литнет»

2024

Харитонов Ю.

Генезис Мрака / Ю. Харитонов — «Литнет», 2024

Когда ведьма становится оружием — мир дрожит. Когда она становится богиней — начинается новая эра. Победа над королём не принесла Юлии ди Ванэско покоя. Наоборот — она лишь открыла дверь в бездну, где правят не люди, а древние силы, жаждущие власти. Вместо мести девушка получила проклятие: её душа расколота, сестра-призрак превратилась в орудие Владыки Мрака, а сама Юлия — в ключ к уничтожению Сэмена, земли Света. Теперь её преследуют не только солдаты и ведьмаки, но и маги Совета Семи, короли, интриганы и даже те, кто называет себя союзниками. Каждый хочет использовать её силу — одни ради спасения мира, другие ради его падения. А Владыка Мрака Азраид смеётся в тени, зная: рано или поздно она выполнит своё предназначение. Но Юлия больше не та наивная графиня из выгребной ямы. Она — ведьма, рождённая во Мраке, но не покорившаяся ему. Она — носительница Гринандэра, меча, пробуждающегося под светом двух лун. Она — та, чья кровь может зажечь войну между мирами... или восстановить забытый Баланс. На пути к истине ей предстоит: пройти через Логово Ведьм, где каждая сестра — ловушка; выжить в городе мёртвых, где души не умирают, а ждут; сразиться с собственной тенью, принявшей облик любимой сестры; и решить: быть ли ей спасительницей Света... или богиней нового Мрака. «Генезис Мрака» — захватывающее продолжение мрачного фэнтези-цикла, где граница между добром и злом стирается в крови, а любовь, предательство и жажда власти сплетаются в смертельную сеть. Для тех, кто не боится спросить: «А если Мрак — это справедливость?»

© Харитонов Ю., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Пленник в клетке	6
Глава 2. Призрачная сестра	15
Глава 3. Огненное крещение	21
Глава 4. Ветер времени	28
Глава 5. Травяной зов	34
Глава 6. Наряд для Совета	38
Глава 7. Кукла Алквиста	43
Глава 8. Суд королей	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Пленник в клетке

(Саббатон)

Словно безбрежный океан из серой ваты, небо растекалось над горизонтом, непрерывно орошая землю противным дождём. Холодные струи, словно слезы небес, хлестали по лицу, заполняя распахнутые глаза и стекая по вискам к ушам, смывая в грязь последние проблески надежды.

В железной клетке, где ржавые прутья, словно хищные пальцы, казалось, впивались в его плоть, Саббатон чувствовал себя беззащитным пленником. Сколько дней и ночей он трясся в этом кошмаре под проливным дождём, он уже не помнил. Время словно растворилось в серой пелене дождя и безысходности.

Детство, беззаботное и безмятежное, словно ускользающая тень, давно покинуло его, оставив лишь пустоту и горечь утраты. Юношеские бури и терзания, положенные каждому мальчику на пути к взрослению, давно угасли в его душе, оставив лишь пепел разочарования и равнодушия. Взрослость, манящая и пугающая одновременно, казалась ему недостижимой вершиной, окутанной туманом неизвестности. Всё давно перебродило внутри и испарилось вместе с желанием повзрослеть. Ведь старшие такие гадкие. Отвратные. Мерзостные...

Образ брата Кардана, погибшего тридцать лет назад, терзал его душу, не давая покоя ни днем, ни ночью. Его грозный силуэт с окровавленным мечом навис над мальчиком, изгоняя того из замка в жалкую унылую жизнь будущего пажа ведьмы.

В его душе klokотала яростная буря. Злость, тлеющая в нем долгие годы, разгорелась с новой силой с появлением в его судьбе Юлии, убогой племянницы.

«О, Тёмный Властелин, за что ты обрушил на меня это испытание? Неужели это очередная насмешка судьбы, посланная мне мёртвым братом? Чтобы окончательно сломить меня, втоптать в грязь жалкие крохи моей гордости?»

В отчаянии он взывал к неведомым силам, не желая смириться с несправедливостью судьбы.

Вспомнив о потерянной руке, Саббатон ощутил, как в нем с утроенной мощью вскипает ярость, словно клубок раскалённых змей. Фантомная боль вновь пронзила его, и он, стиснув зубы, здоровой рукой сжал воздух, словно ощущая в ней свою утраченную руку. Зуд, как рой голодных мух, терзал его даже в объятиях сна. А по ночам ему снилось, что на месте раны вырастает нечто мерзкое и чужеродное, предвестник новых мучений и изгнания.

Страх сковывал его, не позволяя сорвать с культи окровавленную повязку. Взглянув на рану, он с ужасом увидел: из локутов израненной плоти и запёкшейся крови, словно из кошмарного сна, проступало нечто уродливое и противоестественное. Он с дрожью в руке замотал культю, стараясь утаить от самого себя мерзкое изменение, что творилось под повязкой. С тех пор он не решался снять тряпку, чувствуя, как под ней что-то шевелится, словно это зарождалась новая, жуткая жизнь.

Зажмурив глаза, Саббатон смыл с них ледяные струи дождя и, свернувшись в комок, попытался согреться. Холод пробрался до самых костей, и он инстинктивно свернулся в клубок, ища хоть каплю тепла. Вокруг него заворочались люди, недовольно бормоча во сне.

— Тихо ты там! — прошипела сквозь сон обнажённая женщина.

Где-то рядом всхлипнула маленькая девочка. Кто-то грубо толкнул его ногой в спину, а затем, не церемонясь, закинул на него свою тёплую ногу. Тепло чужого тела немного согрело Саббатона, но он все ещё дрожал от холода и отчаяния.

Стиснув зубы, Саббатон проглотил обиду. По вине Юлии он стал невольником, бездомным рабом, которого везли на продажу. Позади остались Кагода, развалины родного замка ди Ванэско, Корнуэлл и ещё несколько деревень. Повозка монотонно катила на запад. Куда

именно — неизвестно. Солдаты, управлявшие этими тюремными повозками, что-то бормотали о Катре и невольничьем рынке, организованном там на скорую руку. С каждой лигой вереница этих тюрем на колёсах становилась все длиннее. Ловили всех, кого могли, без разбора.

В который раз Саббатон мысленно прокручивал события тех дней, пытаясь понять, как он так глупо попался в руки мародёров. Разбитые на поле боя, они сбились в шайки и, не найдя иного применения своим «боевым» навыкам, пустились в охоту за людьми. В его памяти, словно в тумане, вновь и вновь проносились те роковые события...

От вида мальчика конь вначале шарахнулся, словно от чудовища, но потом успокоился и фыркнул, обнюхав здоровую руку Саббатона. Мальчик запрыгнул в седло, крепко намотал поводья на культю, преодолевая боль, и ударил пятками по бокам.

Энея и Яон провожали его призрачным светом, пока не растворились вдали. Конь мчался, повинувшись лишь инстинктам. Дважды он спотыкался, и Саббатон едва не вылетел из седла, но обмотанная вожжами культя удержала его. Невыносимая боль вновь и вновь пронзала руку, возвращая мальчика в реальность. Он пришпоривал коня, и тот скакал до изнеможения, пока не рухнул замертво, едва не придавив Саббатона. Пронзительная боль вновь обуяла руку, и где-то рядом прозвучал тихий шёпот, показавшийся мальчику знакомым: «Ты будешь страдать...»

Но это было лишь эхо того голоса, что тридцать лет терзал его душу, умоляя открыть дверь в этот мир.

— Плевать! — прошептал Саббатон, высвободив культю из вожжей. Он поднялся и будто тотчас растворился в непроглядной тьме. Сколько бы он ни вглядывался в неё, пытаясь разглядеть хоть что-то, тщетно.

Вокруг царила тишина, будто конь унёс его далеко от поля битвы, где стихли стоны и лязг оружия. В измученном сознании мальчика роились образы чудовищ, но чем могли они его напугать, выдавшего кошмары куда страшнее за тридцать лет жизни с Жанной?

— Жрите, да не подавитесь! — бросил Саббатон в темноту, обращаясь к неведомым тварям, и упал рядом с мёртвой лошадей. Он прижался к тёплому, сырому от пота боку животного, обнял культю, словно младенца, и почти сразу же заснул.

И впервые в жизни ему не снился ни Азраид, ни Кардан, ни другие кошмары, терзавшие его все эти годы. Будто с исчезновением Владыки Мрака ушли и его жуткие посланники.

Саббатона разбудил громкий чавкающий звук, словно рядом пировали дикие звери. Он открыл глаза, но тьма была непроглядной. Значит, сон оказался так короток, что ночь не успела смениться новым днём. Лишь яркие звезды давали понять, что он еще жив, а не растворился в вечной темноте, как всё живое.

Мальчик осторожно, стараясь не шуметь, приподнялся из-за туши мертвой лошади, которая сотрясалась от резких движений неведомого существа, терзающего её. В темноте, едва освещаемой звездами, мальчишечьи глаза, привыкшие к мраку, различили два черных силуэта. Четыре тускло мерцающих глаза не замечали его — твари были поглощены трапезой.

Саббатон не мог разглядеть, кто эти звери, но тьма его скрывала, а запах пота кобылы и её крови заглушал его человеческий запах.

Страх сковал мальчишку, а мысли зароились с утроенной скоростью. Будь он настоящим магом, он бы что-нибудь сотворил, но мальчик мог лишь подавлять чужую силу ведьм и чародеев. Что же делать с этими голодными тварями, он не знал.

Страх — главный двигатель человека. Он будит в нас дремавшие инстинкты и задействует неведомые механизмы, помогая вырваться из пасти смерти.

Саббатон медленно и осторожно попятился. Его худое тело почти не ощущало сухой травы. Но он не мог игнорировать левую руку — резкая боль в ненужный момент могла выдать

его. Сорокалетний мальчишка, затаив дыхание, отполз к ближайшему валуну. Но темнота сыграла с ним злую шутку — под рукой не оказалось опоры, и он кувыркнулся назад.

Склон оказался крутым, и мальчик покатился вниз по каменнэистому склону. Саббатон пытался зацепиться за что-нибудь, но трава вырывалась с корнем, а камни катились следом. Звери, услышав шум, пустились в погоню. Пологий склон лишь ускорял их. Мальчик слышал, как под звериными лапами сыпались камни, и их страшное рычание, словно они уже делили добычу, которую ещё не поймали.

Это, возможно, была его последняя горка. Звери могли догнать Саббатона, или он разобьётся о камень, и...

Мир вокруг вертелся, словно в ярмарочном колесе, куда Жанна когда-то поместила его и крутила до изнеможения, забавляясь не мальчиком, а своей властью над ним.

Теперь же всё казалось ещё страшнее — темнота не позволяла разглядеть, куда летит мальчик, а мелкие камни рвали в клочья одежду и, наверное, его кожу. Он чувствовал боль везде, и в последние мгновения старался прикрыть руками голову. Одной рукой... и единственная мысль пульсировала в голове: «Куда же я качусь?»

Это всё, что успело промелькнуть в его сознании. Склон неожиданно оборвался, и Саббатон полетел в пропасть. Из груди вырвался первобытный крик отчаяния, и... мальчик рухнул на что-то мягкое и шевелящееся.

Это существо, вскочив на ноги, осыпая мальчика ругательствами, направило на него меч, блеснувший в свете крохотного костра, невидимого сверху. Рядом тут же зашевелились, просыпаясь, другие люди. Солдаты короля, а это были именно они, удивлённо смотрели на странного пришельца и нехотя тянулись к оружию. Но когда на воина, разбуженного Саббатонем, набросились преследовавшие мальчишку звери, все вскочили и бросились спасать товарища.

Статный светловолосый мужчина с острым взглядом остался один. Пока Саббатон корчился от боли, он внимательно его разглядывал.

— Кто ты, парень? Что делаешь один в такой тьме и в таких глухих местах? — спросил он, даже не моргнув на крики своих товарищей и вой тварей.

Но Саббатон, тут же вскочив на ноги, бросился во тьму. Его никто не преследовал, следом лишь донёсся крик мужчины:

— Стой, дурак! Куда ты? Разве во тьме лучше, чем с людьми? Эй, парень? Слышишь? Вернись! Здесь безопасно!..

Но Саббатон бежал, не оглядываясь. Все люди и звери были ему чужими. Он не чувствовал себя в безопасности ни с кем. Бежал, спотыкаясь и падая, пока не забился наощупь в какую-то каменную щель.

Утро окрасило небо и вершины гор в алый цвет. Мальчик, наконец, решился выползти из убежища. Горы, редкая растительность на склонах, вдалеке — дымящиеся столбы и стаи птиц над побоищем. Саббатон глянул вдоль оврага, где он оказался ночью, и с облегчением вздохнул: ни зверей, ни солдат рядом. Повезло, а то не сносить ему головы...

Способность перемещаться на другие расстояния и исчезать, ушла вместе с ним. Сейчас с Саббатонем была только способность блокировать магические силы других ведьм или волшебников. На обычных людей или тварей его сила не действовала.

Он вздохнул: «А жаль!»

Ему могли представиться безграничные возможности по управлению людьми, но... всё это ушло с Азраидом. Он дал, он и взял, хотя обещал когда-то, что Саббатон станет правителем всех земель. Какая ирония! Пока Азраид был с ним, мальчик бесспорно верил этому посулу и потому действовал. А сейчас, когда ошмётки армии Эльмира Третьего бежали и прятались в ущельях и пещерах вокруг Долины Оракулов и Красных драконов, Саббатону хотелось смеяться от собственной глупости. Если даже королю с армией не удалось стать единым правителем мира, то куда ему с ним тягаться?

Получается... Азраид лгал? Дал силу, чтобы подловить Юлию? И всё? Но это же значит, что целью Владыки Мрака был не он, а его племянница! И теперь, когда их пути разошлись, Азраиду он вряд ли уже понадобится.

И это мальчику совсем не понравилось. Не к этому он стремился и не этого хотел. Злость с новой силой заклокотала внутри, заставляя играть мышцами скулы и в яростных спазмах сжиматься кулаки.

— Пошёл ты, призрачный бог... — прошептал Саббатон в тёмно-синее небо. — На твои обещания плевать! Слышишь? Я сам пробьюсь к власти! Обещаю! И никто! Слышишь? Никто меня не остановит! А тебя больше не пушу в голову — будешь из небытия смотреть, как я воплощаю твой замысел, но не для тебя! Слышишь? Не для тебя!

Злость, позволившая Азраиду проникнуть в мир через Саббатона, теперь станет его опорой. Эту мысль, как мантру, мальчик повторял раз за разом, пока яркое солнце не поднялось в зенит.

Он осмотрел себя: окровавленная повязка на левой руке, тело в порезах и ссадинах, едва прикрытое рваным тряпьем, бывшим некогда крестьянской тогой. Похромал — где-то на склоне повредил колено — к ручью, что тёк по оврагу. Осмотрел унылое и худое отражение, умылся, напился и решил было идти вдоль ручья, который обязательно выведет в долину одного из предгорных графств — ди Ванэско, Олуок или Триду, но его планы опять откладывались. В ручей напротив встала чья-то голая и ужасно волосатая нога.

— Нью-ка посмётся на меня, щеньок! — приказал незнакомец с жутким акцентом. Саббатон поднял голову и обомлел. Перед ним стоял тощий и грязный тронг, из тех, что Юлия положила в горах в угоду Азраиду. Но видно один выжил.

— Ты! — рывкнул тронг, к которому пришло узнавание. Его лицо перекосило, а рука с ножом затряслась от предчувствия скорой и сладкой мести. — Это ты был там! Вместе с этой ведьмой! А нью-ка, иди суда!

Тронг, обезумев, с ножом наперевес бросился на Саббатона. Он был уверен, что мальчик помогал ведьме убивать его соплеменников в горах.

Саббатон, хотя и был ранен, ловко отскочил. Острое лезвие просвистело у самого его носа, но не задело. Тронг зарычал:

— Стоять! Отродие ведьмы! Я тебя порежу на куски...

Он прыгал, словно дикое животное — резво и точно, заставляя Саббатона отступать с такой же прытью. Любая заминка — и нож исполосовал бы его.

В итоге, камни снова сыграли свою роль. Саббатон споткнулся и упал на спину. Тронг же с яростным удовлетворением накинудся на него сверху, заноса нож для смертельного удара. Но в последний момент его голова качнулась от внезапного удара, и он рухнул набок.

Саббатон удивлённо выдохнул и попытался подняться. Но вместо тронга перед ним появился уггур и, как и тронга, камнем вырубил его.

Очнувшись, Саббатон встретил злобный взгляд тронга. Уггур, те ещё шутники, связали пленников и усадили их друг напротив друга. Теперь тронг, пылающий ненавистью, мог полностью сосредоточиться на своём враге. Изгнать его взглядом, исполосовать ненавистью и гневом.

Естественно, Саббатон был вынужден находиться под пристальным взглядом этого чуждого для любого нормального человека существа.

— Не ровьен час, я выберусь отсюда! Но в этот раз я буду убивать тебя медленнее...

Пока тронг в подробностях расписывал мальчику свою будущую месть, Саббатон невольно оглядывался. Уггуров было всего десять. Вероятно, это те, кто участвовал в битве в Долине, а потом был вынужден бежать и скрываться. Для выживания в этих землях существам, чей рост едва достигал половины человеческого, приходилось держаться группами.

Для привала они выбрали небольшую пещеру, где горел костёр. Грязные угруры, с давно не мытой шерстью, в пыльных и окровавленных кожаных доспехах, сидели вокруг костра, чистили оружие — короткие мечи и топоры — и что-то бурно обсуждали на своём языке.

— Я тебя... — не унимался тронг. Мальчик, наконец, не выдержал.

— Ты можешь хоть тысячу раз убивать меня в своих фантазиях, — прошептал он, кивнув в сторону угруров, — но у тебя есть конкуренты. Угруры, как известно, не прочь полакомиться человечиною, да и тронгятина им по вкусу... Как думаешь, зачем нас взяли в плен?

Тронг осёкся. В его глазах постепенно проступало понимание, а затем, кажется, мелькнул ужас. Перспектива быть съеденным оказалась понятна даже такому существу, как тронг.

И вместо того, чтобы заткнуться и потянуть время до возможного запекания на костре, он вытаращил глаза и совершенно диким голосом заорал, что есть мочи:

— Спасите! Памагите! — а потом вспомнил, что он, всё-таки, тронг, и перешёл на свой язык: — Варга! Варга! Сунга унгдон!

Саббатон закрыл глаза. Если раньше была хоть тень надежды, что угруры подождут с ужином до вечера, то теперь она испарилась, как дурная фантазия.

Трое угруров, вскочив на ноги, с разъярёнными мордами и огромными ножами двинулись к пленникам. Двое к тронгу, один к Саббатону.

В последние мгновения жизни тронг верещал, как свинья перед убоем. Когда кровь из перерезанного горла брызнула на лицо Саббатона, он зажмурился, ожидая своей участи. Но уггур лишь хладнокровно хлопнул его по щеке.

— Не вякай! — рявкнул он. — А то ты следующий... У?

— У! У! — покорно согласился Саббатон. Угурур присоединился к товарищам, которые тащили тело тронга к костру.

Мальчик судорожно выдохнул: ему дарована отсрочка, минимум до утра, максимум до следующего вечера, пока не кончатся остатки тронга. Нужно использовать это время с умом и придумать план побега.

Но мысли, как спастись и избежать участи тронга, никак не приходили. Верёвки казались слишком крепкими, чтобы их порвать, а ножа, чтобы перерезать у мальчика не было. Тяжелее всего дались ночь и вечер, когда по пещере разлился манящий запах жареного мяса. Саббатон не только ощутил жуткий голод, но и настоящее отвращение. Он никогда не думал, что будет пускать слюни от запаха пекущегося тронга. И даже мысль, что он может стать следующим блюдом, не подавляла его проснувшийся аппетит.

Мальчик благодарил всех богов, — каких угодно, — за то, что угруры забыли о нем и не стали кормить его мясом тронга. Возможно, они уже не считали его человеком, а будущему ужину или обеду — по определению, еда не полагалась.

Запах стал его личным мучителем до утра. Он не давал желудку успокоиться, а обильно выделяющиеся слюни мешали уснуть. Под храп угруров Саббатон едва сомкнул глаза, а в темноте, еле освещаемой догорающим костром, ему постоянно мерещился ухмыляющийся лик Азраида.

Утром его грубо разбудили и заставили идти следом. Невыспавшийся и измученный мальчик, еле переставляя ноги и шатаясь, брёл среди угруров, лишь краем поблёкшего сознания осознавая, что к вечеру тоже станет ужином.

Его взгляд цеплялся за камни и кусты, иногда мельком ловя лучи солнца. В горле ком обиды, сдавливающий всё внутри, подталкивал к самоубийству. Хотелось орать, но тридцатилетний опыт жизни с Жанной и каждодневная закалка пленённого её подлостью ребёнка не дали Саббатону издать ни звука. И уж точно он никогда не посмел бы добровольно расстаться с жизнью. Хоть какой-то плюс от бытия со злой ведьмой — неприхотливость.

Овраг, словно змея, вился между холмов, которые росли с каждым шагом, превращаясь в неприступные скалы, а овраг — в глубокое ущелье. Камни на дне становились крупнее, их

края острее. Саббатон, перешагивая через них или перепрыгивая, всё больше выбивался из сил, спотыкаясь и падая несколько раз за день.

После пятого падения, когда он снова ударился лицом о валун, но из-за апатии не почувствовал боли, его грубо схватили за шиворот, поднесли к горлу нож — возможно, тот самый, которым убили Тронга — и рявкнули:

— Твоя идти! Живо! Иль я порезать тебя на десять кусков и раздать братьям. Слышь?.. Ты меня слышь?

Но Саббатону было всё равно. Казалось, что мир вокруг погрузился в пульсирующий мрак, и он постепенно становится темнее... и темнее... очень хотелось спать или... умереть.

— Ну же, — прошептал Саббатон. — Закончи это мучение. Делай своё дело. Я больше никуда не пойду.

Уггур замахнулся ножом, чтобы перерезать мальчику горло. Саббатон закрыл глаза, готовый встретить смерть. Но вместо этого удар в голову пошатнул уггура, и он замертво рухнул на него.

Мальчик распахнул глаза и уставился на окровавленную макушку на своей груди. Из неё вытекало что-то мерзкое.

Со стороны ущелья доносились крики оставшихся уггуров. Саббатон, собрав последние силы, толкнул тело врага и оглянулся.

С крутых утёсов на его пленителей сыпались камни. Через несколько тревожных мгновений все уггуры были мертвы.

Саббатон попытался подняться, чтобы скрыться в горах, но ноги не слушались. Он упал на спину, и глаза сами собой закрылись.

Очнувшись, он увидел перед собой расплывчатое лицо светловолосого воина, того самого, что пытался докричаться до него, когда Саббатон убегал в темноту от сражающихся с тварями солдат короля.

«Несуществующего короля, — напомнил себе Саббатон. — Боги, как это было давно...»

— Алика! — воскликнул мужчина. Хмурые и грязные воины, стоявшие рядом, расступились, пропуская к нему девочку возраста Саббатона. Она бросила на него косой взгляд и повернулась к светловолосому предводителю.

— Да, отец?

— Оботри этого бедолагу, намажь раны эликсиром Сионны, найди ему одежду, — распорядился он. — Даже если она окажется на несколько размеров больше, негоже мальчишке находиться в твоём обществе подобно южному варвару.

— Хорошо, отец, — отозвалась Алика и быстро упорхнула сквозь строй солдат, видимо, за тряпками и эликсиром.

Один из воинов обеспокоенно произнёс:

— Сир Ангдар, разведчики докладывают, что неподалёку видели отряд Сифа Раонрога. Нам стоит объединиться и вместе двигаться в Оурдэн. Предгорья кишат бывшими союзниками, сами видите. Вот и уггуры никуда не делись. Если так пойдёт, мы вообще не выберемся отсюда. С каждой тварью придётся разбираться отдельно.

Ангдар, сидевший рядом с мальчиком, помолчал, а затем неторопливо произнес:

— Тебе, Имчек, не мешало бы выставить дозорного. В остальном ты прав: предгорье кишит тварями и отрядами бывших союзников, озлобленных поражением. Озверели, одичали. Так что за округой глаз да глаз. А вот Сиф Раонрог — гнида редкостная. Доводилось мне с ним по службе сталкиваться, урод немыслимый. Прежде чем с ним и его отрядом связываться, надо бы разузнать его настроения. Исход битвы в Долине Оракулов и Красных Драконов мог повлиять на его планы. Короля нет, и теперь таких мерзавцев никто не сдерживает.

— Что же делать, сир? — спросил Имчек.

Ангдар лишь взглянул на него, и мужик по тяжёлому взгляду всё понял.

— Ты и ты, — скомандовал он, — за южным и северным концами ущелья следите. А ты... — он указал на третьего воина, — навверх, за горами смотри.

Когда солдаты разошлись и к Саббатону под села Алика, Ангдар продолжил:

— Мрак — не Тьма. Тьма — это абсолют, где не живёт ничто. А Мрак — это пограничное состояние тьмы. В нём рождаются и собираются, как мухи на... впрочем, не только мухи, но и другие твари, все с пограничным разумом. Те, кого обманули, не поняли, не послушали, обидели или не приняли на светлой стороне.

Эти существа, кем бы они ни были и как бы ни пропитались мраком, впитывают его ещё больше. Настолько, что становятся частью этого мира. И, как ни странно, они могут вернуться на светлую сторону, но мрак так пропитан мнимой свободой, что они не хотят...

— Отец, — перебила Ангдара Алика, — мне кажется, этот мальчик скоро умрёт, а ты ему про Мрак и как сложно из него выбраться. Ещё чуть-чуть и он начнёт бредить.

— Не переживай, дочь, — отозвался отец. — На пути *туда* ему нужно будет чётко осознать, что Свет не так беспомощен, а Мрак не ведёт к свободе. Там тоже придётся делать выбор: куда отправить бессмертную душу — в тернистый свет или в манящую тьму. Сейчас мальчику важно слушать что угодно, лишь бы не терять сознание, не погружаться во мрак. А мне давно хотелось высказаться. Я вот не вовремя понял, куда нас всех ведёт король, и... вот я здесь, а Тантара скатывается в пропасть анархии и хаоса. А твари, которые раньше и носа не высовывали из своих нор, теперь разгуливают на свободе и творят что хотят. Вчера только мы уничтожили три стаи краунов, два отряда уггуров и стаю сэрилов. Откуда они здесь вообще взялись? Впрочем, неважно. А о Мраке главное знать: чем свободнее ты себя чувствуешь, тем крепче цепь, на которой сидишь. Вот король...

Ангдар не успел договорить. Сквозь пелену перед глазами Саббатон еле разглядел, как огромный камень обрушился на плечи предводителя. Раздался хруст, и уши заложило от вопля Алики. Она вскочила и бросилась к отцу. К Ангдару подбежал Имчек, и после короткого осмотра вскочил на ноги и заорал:

— Тревога! Враг окружает! Защищаться! Готовиться к бою!

Крики сражающихся и звон оружия эхом разносились по ущелью. Имчек, выхватив из ножен длинный меч, ринулся в бой, скрываясь из виду Саббатона. Мальчику оставалось лишь надеяться, что Ангдар выживет, но судя по воплям и рыданиям его дочери, дела обстояли плачевно...

Звуки битвы стихали, то тут, то там раздавались предсмертные хрипы. Имчек вновь появился в поле зрения Саббатона, но уже отступая и отражая удары другого воина. Здорового детины в блестящих латах, вооружённого огромным мечом и щитом. Из-под забрала черного шлема выбивалась густая черная борода.

Несколько мощных ударов, и Имчек, рассечённый почти пополам, упал на камни.

Чернобородый, которым, скорее всего, был Сиф Раонрог, быстро подошёл к Ангдару и одним пинком сбил Алику с ног, а затем встал над поверженным солдатом.

— Сиф! — еле слышно прохрипел Ангдар. — Что ты делаешь? Мы же союзники!

— О какой стороне ты говоришь, Ангдар? — прорычал Сиф. — О несуществующем королевстве Эльмира Третьего? Этот слизняк не дал нам ничего при жизни, и после смерти от него ничего не жди! А новый мир сулит огромные прибыли, и я его не уничтожу, но вот использовать... использовать ради выгоды я всегда готов. Например, твою дочь, Ангдар. Через несколько лет она станет красоткой. Продать её в нужное место — и можно неплохо нажиться.

— Не смей, Сиф! — прохрипел Ангдар, но что он мог сделать, изломанный страшной силой обрушившегося на него валуна?

— А этот мальчишка? — не обращая внимания на Ангдара, продолжил Сиф и кивнул в сторону Саббатона. — Он может работать где угодно, а чуть подрастёт — вообще цены ему не будет. Знаешь, сколько людей готовы платить за выносливых рабов? А есть и те, у кого

тараканы в голове, и им подавай мальчиков и девочек для утех. Противно, да, Ангдар? Но деньги, милый Ангдар, не будут мне потом шептать, какой я плохой. Верно?

Пока Сиф говорил, к нему подходили его люди, ухмыляясь и слушая речь вождя. Им была понятна его жажда наживы, его готовность продать что угодно и кого угодно, лишь бы самим жить в достатке, иметь много женщин, есть от пуза и спать комфортно.

— Ты обязательно ответишь за это! — прохрипел Ангдар, с трудом сдерживая стон боли.

— Кому, Ангдар? Кому? — ухмыльнулся Сиф. — Оглянись, вся Тантара — это поле возможностей. Пошевелишься — возвысишься, нет — и следа от тебя не останется!

С этими словами Сиф наступил на сломанную спину Ангдара, и тот вскрикнул от невыносимой боли. Его крик эхом прокатился по ущелью, а затем Сиф надавил сильнее, и солдат умер.

— Заберите его дочь и этого оборванца! — приказал Сиф Раонрог своим людям. — У нас будет прибыльное дело. Пока эти жалкие людишки не опомнились, нужно поймать как можно больше таких. А потом отправимся в Катру и начнём торговать!

Ущелье вновь наполнил крик. Но теперь это был отвратительный крик радости шакалов, что подвывают новому вожаку.

Саббатон закрыл глаза. Он бы предпочел стать пищей угруров, чем терпеть эту банду головорезов, собранную из бывших уже солдат короля.

Их предводителем был Сиф Раонрог, бугай, больше похожий на бандита, чем на воина. Не ходи он в солдатской амуниции, его, наверное, давно бы арестовали.

Опасения Саббатона оправдались. Их с Аликой бросили в холодную железную клетку, где им приходилось спать на тонкой прослойке соломы. Ели они то, что кидали солдаты: гнилые огрызки и траву.

По ночам Саббатон не мог спать из-за тоскливого воя спящей девочки. Наверное, ей снилось что-то ужасное, навеянное смертью отца. Но мальчик не мог проникнуться её трагедией. Чувства ушли в незапамятные времена, и он давно забыл, что такое жалость и сострадание.

А через неделю скитаний по предгорьям Сизых гор ночью к ним залез один из солдат и утащил куда-то Алику.

Пол ночи потом он слышал сдавленные стоны и мычание, а под утро солдат закинул в клетку измученную, нагую девочку с окровавленным животом. Она прижала руки между ног, свернулась калачиком и продолжила вить.

Сиф, как узнал, что солдат сотворил с его товаром, страшно разъярился и убил подонка, но Алике было уже всё равно. Она истекла кровью и ушла во тьму на третий день после своего позора.

В этот же день к сорокалетнему мальчику закинули женщину и двух детей, чуть позже еще трёх детей. Потом к их клетке-повозке добавилась ещё одна, потом две, и их караван стал стремительно расти с приближением к Катре. За границей графства ди Ванэско повозок стало около семидесяти, а количество солдат без войска выросло до тридцати. Хорошо одетых и вооружённых бандитов, бывших когда-то солдатами короля. Что с ними могли сделать женщины, дети и подростки?

Ничего.

И Саббатон не мог. Среди них не оказалось ни одного колдуна или ведьмы, на чью силу можно было бы воздействовать, поэтому мальчику приходилось лежать среди вонючих полуголых тел и ждать вполне предсказуемой развязки.

Приближалась осень, а потому дожди с каждым днём становились продолжительней, ночи длиннее и холоднее. Из многих клеток доносился кашель. Пару бедных детей уже вынесли мёртвыми. И если они в ближайшее время не приедут в Катру, то умерших станет больше.

Надо что-то делать...

Но, вот парадокс, уже ничего делать не хотелось. И Саббатон уже мысленно торопил время, чтобы хоть что-то произошло и поменяло вынужденное возлежание среди убогих людей, к которым его случайно подкинули...

«Что даже ни одного из них не жалко?»

Саббатон вздрогнул от знакомого голоса, вытаращил глаза и уставился на...

— Юлия! — воскликнул мальчик, испугав остальных пленных. Она лежала напротив и ухмылялась.

«Нет, дурак! Я — Ваня! Её сила, которую ты, по забывчивости, у неё забрал!»

«Это что же... — медленно, про себя, чтобы вновь не напугать сокамерников, спросил Саббатон, — получается, что я всё-таки могу забирать силу ведьм в отличие от Жанны?»

«Раз забрал, то можешь, — кивнула Ваня, но тут же предупредила: — Но управляться можешь не с каждой. Предупреждаю: я слишком мощна для тебя».

Мальчик молчал и всматривался в призрачный лик ненавистной племянницы, вернее, в лик её умершей сестры, и в голове зрели мысли.

«Слушай! — наконец, мысленно воскликнул Саббатон. — Это же отличная новость!»

«Что ты задумал? — настороженно спросила Ваня».

«Для начала — выбраться из этой клетки, — ответил Саббатон и улыбнулся. — А потом... как пойдёт! И для этого мне нужна какая-нибудь ведьма...»

Глава 2. Призрачная сестра

(Юлия)

Ярость, исказившая некогда милое лицо Вани, хлынула потоком гневных слов, словно обжигающая лава извергающегося вулкана.

Призрак сестры, некогда родной и близкий, теперь предстал перед ней чудовищем, одержимым жадой смерти. Глаза Вани, некогда полные тепла и света, теперь горели ледяным, потусторонним светом.

Ваня кинулась на Юлию, но та, стиснув в руке Гринандэр — фамильный меч, сияющий в лунном свете, как небесный огонёк, — встретила сестру яростным рыком, полным решимости и боли.

Отчаянная битва с порождениями тьмы, вызванными безумием Вани, развернулась на мраморной террасе замка. Каждая плита под ногами дрожала от сотрясающей силы ударов, а эхо от лязга стали разносилось далеко по горной округе.

Сталь гремела о сталь, искры сыпались дождём, словно падающие звезды, а тени монстров — призраков былой дружбы и любви — метались по каменным плитам, словно тени проклятых.

— Я не дам тебе забрать меня с собой! — кричала Юлия, срывая голос. — Я не стану призраком! Я не последую за тобой в чертоги Азраида! Ты никогда не уничтожишь меня!

В её голосе звучала не только ярость, но и отчаяние, мольба о спасении, о том, чтобы вернуть сестру из тьмы, в которую она погрузилась.

С каждым взмахом Гринандэра монстры рассеивались, словно дым на ветру. Сила, исходящая от Энеи и Яона — зелёной и голубой лун, которые только сегодня ночью наплатили меч магической силой, — наполняла Юлию, делая её удары сокрушительными.

Она сражалась не только за свою жизнь, но и за душу Вани, за ту светлую девочку, которой она была когда-то.

В этой битве не было места жалости. Лишь ярость и воля к жизни обуревали обеих сестёр. Кто же одержит верх в этой схватке?

Сумеет ли Юлия справиться с безумием Вани и сохранить свою жизнь, или же тьма поглотит их обеих?

«Ты моя сестра! — разъярился призрак. — И ты смеешь отказывать мне в компании? Не желаешь стать призраком? Да я... тебя...»

Огромный кулак вновь превратился в сэрила, и жуткое создание, видимое только Юлии, вымахало на три человеческих роста и едва не задело графиню мощными, когтями размером с предплечье.

Девушка едва увернулась. Проворно откатившись в сторону, она встала на колено и выставила Гринандэр.

Сэрил пролетел мимо, насадившись на меч.

Клинок рассёк призрачное брюхо от шеи до паха, и внутренности покинули незадачливое чудовище. Оно ещё падало, но потроха уже усеивали красивый мраморный пол.

Будь чудовище живым, то мрамор покрыли бы яркие пятна крови. Скорее всего, забрызгало бы все, включая витиевато изгибающиеся перила, колонны и балясины.

Но призрак, созданный воображением Вани, был лишь воплощением её внутренней магической силы, облачённым в знакомый образ. Поэтому сэрил, едва коснувшись поверхности, исчез, как и ошмётки от его разрубленного тела.

— Я твоя сестра, но ты предала меня, — тихо произнесла Юлия и бросилась вперёд.

Туда, где вместо сэрила материализовался высокий каменный тролль.

Когда-то давно графиня любила ходить на поляну в лесу рядом с родовым замком и проводить время, лёжа на тёплых камнях одинокой скалы. Но в один миг, когда мир скатился с высоты Света во Мрак, те камни собрались вместе, и на свет появился глупый каменный тролль, питающийся утёсами и валунами, например, из развалин замка ди Ванэско...

— Это всего лишь жалкая пародия! — воскликнула Юлия, огибая каменного гиганта, возвышавшегося над ней на две головы. — Твоим поделкам далеко до настоящих монстров! Я не пролью ни слезинки по той, что ушла! Не буду цепляться за прошлое, где меня никто не любил и не ценил!

«Ха! — раздался из каменного рыла тролля смех Вани, от которого задрожали все его лицевые камни. — Глупая девчонка! Я буду вечным напоминанием о твоём доме! И не я тебя предала! Это все проделки Азраида. Он украл твою силу...»

Троль, неуклюже переставляя каменные ноги, пытался схватить Юлию. Замахиваясь огромными руками, он хотел раздавить графиню, но та проворно ускользала от его объятий.

Несколько раз Гринандэр вонзался в каменное чудовище, но отскакивал с гулким звоном, не причиняя монстру видимого вреда. Лишь жалкие каменные крошки откололись от его коленки.

Троль неторопливо преследовал Юлию, словно играя с ней, как кошка с мышью. То загонял в угол, то давал ей передышку, наслаждаясь её мучениями.

Каменный монстр бил по тому месту, где только что была графиня, и медленно поворачивался, выискивая очередную жертву.

Через несколько минут Юлия почувствовала, как отчаяние нарастает в ней. Монотонность и неумолимость чудовища выматывали её.

— Ты думаешь, я умру от скуки? Наивная! Четырнадцать лет я тебя выносила! Что может быть мучительнее?

«Ах, неблагодарная! — взревел тролль голосом Вани и зашевелился проворнее. Юлии пришлось ускорить бег и ловчее уворачиваться. Но это не помогало. Троль все ещё был неуязвим. — Я тут с ней всю её никчёмную жизнь нянчилась, не давала её глупенькой головушке окончательно отупеть, а она — предательница!»

— Это ты предательница! — парировала Юлия и вновь бросилась под ноги тролля. У неё был план, как повергнуть врага на землю... вернее, на холодный мрамор обширного балкона, находящегося почти на вершине дворца Левии в Мазал Гур Дrame. Юлия сейчас была почти на самой высокой точке мира, и все её тело это ощущало.

Холодный ветер пробирал до костей, а заснеженный горный склон за перилами напоминал, где она находится.

— Это ты меня бросила! Исчезла в самый нужный момент и оставила на погибель под молотом королевского солдата...

Юлия скользнула по мраморным плитам под троллем и вскочила на ноги позади каменного чудовища. Недолго думая, она вонзила Гринандэр под колено, туда, где два камня почти срослись. Щель, подобная щели между жерновами, перемалывающими всё, что попадает между ними, но невластная над древним металлом меча.

Юлия напряглась и надавила, что-то внутри каменной коленки заскрежетало и... лопнуло. Графиня едва успела отскочить, когда у тролля отвалилась нога, и он всей массой рухнул на мрамор. Поднялся невообразимый грохот, и чудовище рассыпалось на камешки, из которых оно некогда и было создано.

«Зачем ты всё крушишь, глупая? Всё, что попадает тебе под руку... или просто живёт рядом!»

Юлия застыла, словно окаменев. Слова призрачной сестры резанули по ещё не затянувшейся ране, пронзив самое сердце. А призрак, тем временем, продолжал:

«Ты разрушила тролля, убила сэрила... Ты уничтожила короля и его маленькую дочь-ведьму. Ты погубила всех тронгов мира. Сначала подземных, потом их собратьев с горы. Ты сокрушила бесконечно старого каменного великана. Растерзала ведьму Жанну в пещере. Из-за тебя убили Сабрину и её старшую сестру-монахиню. А до этого... ты... Уничтожила всех сестёр, мать и отца, а ещё... ещё... Я умерла из-за тебя... свалилась с восточной башни, когда мы там играли. А ещё ты отрубила Саббатону руку! Всё! Это! Сделала! ТЫ!»

— Неправда, — прошептала Юлия дрожащими губами. Она смотрела, как вместо каменного существа вырастает огненное чудовище. Ваня решила пустить на неё Мао — Владыку тронгов. Ну и пусть... Юлия его уже победила однажды... только теперь, после слов Вани, графиня наполнилась злостью, словно сосуд, из которого выплеснули всё хорошее, не оставив места ничему другому.

— Я никого никогда не убивала! Это всё сделал Азраид... Он хотел их руками уничтожить меня! А моими...

«Но если подумать, то живая тут как раз ты, а все остальные, кто хоть как-то касался тебя и твоей жизни, мертвы. Даже Азраид. Ты забыла, как изгнала его из этого мира?»

— Ты лжёшь! — выкрикнула Юлия, но где-то в глубине души она осознавала правоту призрака сестры. Из всех, кто её окружал, выжила только она. — Ты хочешь смерти!

«Но я и так...»

Ваня, вернее, созданный ею Мао, не успел договорить. Юлия, охваченная яростью, ринулась на огненного тронга. Пламенный монстр даже отступил под натиском графини.

Расплавленное золотое существо выросло по мечу из каждой руки, но могло лишь обоняться, настолько молниеносно атаковала Юлия. С каждым взмахом Гринандэра от Мао отделялись части тела. Они пытались вновь соединиться с Владыкой тронгов, но девушка действовала стремительно, и расплавленное золото не успевало вернуться к хозяину, как на полу оказывалась новая его часть.

— Я тебя уничтожу! — кричала разгневанная Юлия, нанося удар за ударом невидимому врагу, пока не выбилась из сил. Наконец, она отбросила меч и отошла к каменным перилам. Гринандэр со звоном скользнул по мрамору, но графиня не обращала на него внимания.

Её грудь вздымалась, а руки вцепились в холодные перила с такой силой, что побелели пальцы. Юлия едва не закричала, желая выплеснуть на горы крик давно копившихся обид. Но, вспомнив, где находится, она решила не тревожить магов, приютивших её. Поэтому крик вырвался еле слышным мощным выдохом и превратился в белый пар. Но Юлия не ощущала холода. Разогретые тренировкой мышцы горели огнём.

Графиня некоторое время молчаливо созерцала раскинувшиеся под горой чужие просторы, а потом, покачив головой, произнесла:

— Всё, что я услышала, — правда. Я виновна в гибели этих людей. Либо они погибли из-за меня.

Но одна крупинка истины так и не сорвалась с её уст или не всплыла в мыслях. *Вани не было*. Азраид забрал её вместе с силой, оставив Юлию обычной девушкой, ничем не отличающейся от других.

Единственное, что ей было подвластно, — это сражаться и убивать. И принести кому-либо она могла лишь смерть.

Даже Ваня исчезла по её вине. Ведь Юлия не согласилась служить Азраиду.

И теперь графиня, словно одержимая, носится с оружием по смотровому балкону замка Леви, представляя, что Ваня рядом, что она беседует с Юлией и создаёт призрачных существ, с которыми ей приходится сражаться.

Удивительно, но Юлия породила ещё один фантом. На этот раз вымышленный. Фантом призрака, если можно так выразиться.

Но кого же она обманывает? Вани нет, и не будет уже никогда. Как и Саббатона. Дядя был в ярости на Юлию. И как его не понять? Потерять руку из-за племянницы... Кто бы не взбесился?

И теперь графине вряд ли удастся когда-либо наладить с ним отношения. Зачем ей такое родство, она не знала, но чувствовала, что обязана попытаться наладить отношения. Ведь он был единственным родственником, который у неё остался в этом жестоком мире.

Но как же тоскливо без Вани!.. Словно кто-то вырвал из груди сердце и унёс его куда-то далеко, и оно там бьётся, трепещет, рвётся назад, но не может вернуться.

И Юлия не знает, где это место, и не может его найти.

С момента битвы в Долине Оракулов и Красных драконов прошло полмесяца, но Юлия каждый день выходила на этот балкон, сжимала в руках оружие и тренировалась до изнеможения, представляя, что против неё, как и прежде, выступает призрак сестры, используя по очереди те умения, что приобрёл за последнее время.

На что же она надеялась? Наверное, на то, что Ваня исчезла ненадолго и скоро вновь появится. Но она не появлялась. И Юлия больше не ощущала ни покалывания в пальцах, ни головной боли, предшествующих появлению Вани.

А это означало только одно: Азраид исполнил свою угрозу, и Юлии нужно было привыкать к жизни без колдовства.

Теперь она стала обыкновенной девушкой. И хотя она не верила в колдовские способности, всячески их отрицала и гневалась, когда её называли ведьмой, Юлия очень расстроилась из-за исчезновения ведьмовской силы.

Более того, здесь, на вершине мира, в центре чужой страны, одиночество ощущалось особенно остро. И единственные родственники — сила, преобразившаяся в Ваню, и родной дядя, застрявший в теле десятилетнего мальчика и обиженный на весь мир, — были так далеко, как только возможно.

Что же делать дальше?

Юлия обещала присоединиться к магам Сэмена и вот уже полмесяца ждала, когда они соизволят рассмотреть её кандидатуру.

Орин-Юджин заходил каждый день и успокаивал графиню, что совет вот-вот соберётся, и её участие в борьбе со Мраком будет закреплено некими торжественными договорами и царскими печатями.

Но Юлии от этого было ни холодно, ни жарко. Она чувствовала, что её мысли и чувства не здесь, а потому ощущала дикую потребность уйти из этого магического места.

Единственное, что устраивало Юлию целиком и полностью, — это спокойствие.

Здесь, на вершине самой высокой в мире горы, его было с избытком. Если бы не постоянные метания и разброд мыслей из-за Вани и Саббатона, то здесь можно было бы остаться навсегда.

Огромные покои, молчаливые монахи, постигающие магию, изысканные блюда и удобные одежды — всё, о чем можно мечтать потасканной по войнам и битвам графине.

Здесь на неё никто не охотился, и тут никто не стремился убить Юлию или предьявить на неё какие-то права.

Возможно, не исчезни Ваня, графиня бы и не вспомнила о Саббатоне, но поскольку отсутствовали они оба, то мысли, цепляясь за сестру-призрака, непременно перекидывались и на непутёвого мальчика-дядю.

Отцовская вина перед ним не давала покоя и Юлии...

— Эстэто мари рино Каэрто, — спокойным голосом сказал позади Орин-Юджин аль Вааль.

Хотя Юлия и знала, что с минуты на минуту маг заявится, но всё равно его появление стало неожиданным, и девушка вздрогнула. Но не стала поворачиваться. Ещё слишком заметны на лице были следы её переживаний.

— Что это значит? — спросила она.

— Опасность преследует тех, кто её уже познал, — ответил чародей.

Юлия слышала его лёгкие шаги за спиной. Он прошёл мимо, поднял звякнувший меч и подошёл к девушке.

— Я всё же не уловила мудрости вашей фразы, — понуро ответила Юлия и, наконец, соизволила повернуться к Орину-Юджину.

Она аккуратно взяла у него меч и вложила в ножны, стараясь не смотреть ему в глаза.

В последние дни он часто навещал девушку, водил по Мазал Гур Драму, много показывал и рассказывал. А ещё он много смотрел... на Юлию. И это всегда смущало графиню.

Даже Ильрик Вронский не смотрел так красноречиво на Лилию, когда сватался.

Орин-Юджин, возможно, испытывал к Юлии нежные чувства, а возможно, что-то хотел от неё, а скорее всего, и то, и другое.

Несмотря на то, что некогда в далёкой спокойной жизни в родовом замке графиня мечтала о союзе с мужчиной, сейчас она не знала, как себя вести в подобной ситуации.

Орин-Юджин явно пылал страстью, хоть ни разу не намекнул Юлии об этом, но его взгляд прожигал в девушке огромные дыры.

Конечно, молодой маг очень нравился ей, но испытания, свалившиеся полмесяца назад, оставили глубокий след в её душе, а потому Юлия всячески избегала не только вопросов о мыслях и чувствах Орина-Юджина, но и старалась не встречаться с ним взглядом.

— Это значит, что человек, познавший лишения, жаждет их вновь, — пояснил Орин-Юджин. — Жизнь становится пресной, и его тянет к приключениям. Ему хочется вновь испытать те сильные чувства, которые возникают, когда борешься за жизнь.

Не хватает боли в руках, гнева в груди, честной и неприкрытой злости, которую можно не стесняясь выплеснуть на голову врага с помощью оружия. Мне кажется, это болезненное состояние...

— Болезненное? — встрепелась Юлия и, наконец, встретила его взгляд.

Её карие глаза сверкнули из-под тонких черных бровей. Его голубые, наивные, с долей радости, проглотили выпад, будто и не заметив. Он не отвёл взгляд, но и не захотел отвечать, а смотрел как влюблённая в стог сена скотина. Именно такое сравнение пришло на ум Юлии.

— А ты знаешь, сколько я вытерпела? Сколько потеряла близких и друзей? Неужели моё состояние должно быть каким-то другим? Уж точно не нормальным...

— Прости, графиня, я не хотел тебя обидеть, — улыбнулся Орин-Юджин и поднял руки. — Я могу представить, что тебе пришлось пережить, но мой опыт вряд ли способен даже приблизиться к тем испытаниям, выпавшим на твою долю. Я лишь могу декламировать то, чему меня обучали наставники. Поэтому смиренно прошу...

— Не надо, — отмахнулась Юлия и повернулась к горам. — Ничего смиренного для меня не надо. Я не просила тебя меня понимать...

— Хорошо, — совсем не обидевшись согласился Орин-Юджин. — Раз ты в порядке, смею пригласить тебя на совет, что пройдёт в замке Правия.

Юлия вздрогнула. Наконец-то! Волшебники соизволили что-то решить.

— Прямо сейчас? — спросила девушка. — Или я могу принять ванну, а то тренировка, знаешь ли...

— Тебя уже ждёт ванна, — кивнул маг.

Юлия приподняла бровь, и Орин-Юджин поспешил добавить:

— Я же здесь хозяин. Могу позаботиться о госте?

Юлия сделала вид, что её удовлетворил такой ответ, и повернулась, чтобы уйти, но затем остановилась и спросила:

— А чего они так долго тянули?

— Короли... — ответил маг, а потом, осознав, что Юлия не знает местных традиций, пояснил: — В совет входят семь магов, представляющих семь стран, и шесть королей из этих стран. Седьмого, увы, нет, ибо седьмой страной — Анддраменом — должны управлять два мага, но... тут такое дело... Анддраменом управляю только я. Пока...

— Короли? — удивилась Юлия. — Про них мне никто ничего не говорил! Что это значит?

— Прости, графиня, — смутился Орин-Юджин. — Я не понимаю твоего беспокойства.

— С недавнего времени я ненавижу королей! А ты... ты притащил сюда целых шесть! Это такое развлечение у вас здесь? Такая шутка? Я отказываюсь участвовать в этом...

— Стой! погоди! — замахал руками маг. Его лицо побледнело, словно он осознал, какую ошибку совершил. — Я не знал, что для тебя это так важно. Но если хочешь, я дам тебе гарантии, что короли тебя и пальцем не тронут.

— Ты — маг, а они — короли, — удивлённо сказала Юлия. — Что ты им можешь возразить?

Орин-Юджин, обиженно заиграв желваками, медленно произнёс:

— Я единственный правитель Анддрамена, центральной страны Сэмена. По древней прихоти Аспекса, я управляю не только своим королевством, но и верховою остальными. Неформально, но короли и маги других стран вынуждены со мной считаться.

— К тому же, я хозяин этого дворца, и именно я созвал Совет Семи. Мне ничто не мешает защитить тебя от кого бы то ни было!

Юноша говорил столь пылко, что Юлии стало ясно: он настроен серьёзно. Если пообещал защитить, то исполнит данное слово. В этот момент он больше всего походил на настоящего мага.

Белые свободные одежды с длинными полами и рукавами развевались на ветру, каштановые волосы трепал ветерок, глаза слегка сузились, а скулы напряглись.

Орин-Юджин наконец перестал казаться влюблённым мальчишкой. Перед Юлией стоял мужчина, отвечающий за свои слова и верящий в них. По крайней мере, ей так казалось.

Девушка поймала себя на мысли, что таким маг ей нравится больше.

— Ты веришь мне, графиня? — прервал аль Вааль мысли Юлии. Она стушевалась и смущённо кивнула.

— Хорошо, — сказала графиня. — Верю. Но обещай мне не бросать... иначе я просто сбегу!

— Обещаю, Юлия, — девушка внутренне воспряла: он редко называл графиню по имени. Этикет не позволял.

Конечно, не «ваше превосходительство» и не «любезная леди», как это было положено другим, но никогда по имени. Либо графиня, либо «моя дорогая гостья».

— Подождите меня, — Юлия кокетливо улыбнулась и церемонно присела, — дорогой Орин-Юджин, в прихожей. Я постараюсь поторопиться, чтобы не задерживать приглашённых вами королей.

Юноша довольно зарделся и, улыбаясь, склонил голову, а Юлия лёгкой походкой направилась в ванную комнату.

Глава 3. Огненное крещение

(Саббатон)

«Что это с тобой? — нахмурилась Ваня. В свете внезапно проглянувшей из-за туч Энеи её лицо стало прозрачным, и Саббатон сквозь него разглядел черты молодой девушки, прижавшейся к мальчику ногами. Она тихонько посасывала во сне. — Хочешь заняться нашим старым ремеслом? Грязным и отвратительным убийством ведьм?»

«Не убийством, нет, — ухмыльнулся Саббатон. — Ведь Юлия, насколько я помню, жива. Я просто заберу силы у каждой ведьмы или колдуна, кого встречу на пути!»

«Но для них это равносильно смерти! — воскликнула Ваня. — Ты высосешь их магию, чем они будут защищаться от враждебного мрачного мира? Как им жить дальше? В отличие от обычных людей, они не могут обходиться без колдовства».

— Ох ты ж, да ты что! — воскликнул мальчик. — Ведь некоторые из них были заодно с Юлией, а значит, против Мрака и, конечно же, ведьм!

«Глупости!» — сказала Ваня и растаяла.

Вместо неё на Саббатона смотрели испуганные глаза проснувшейся девушки. Мальчик понял, что последние слова он произнёс вслух.

Вслед за глазами она распахнула и рот. Из его глубины, отвратительной и щербатой, вырвался пронзительный дикий крик. Саббатона передёрнуло. Именно это он ненавидел в женщинах больше всего — эту способность орать без единой паузы на вдох по любому поводу, на неистово высоких нотах, разрывающих не только барабанные перепонки, но и душу.

Опомнившись, что находится опасно близко к мальчику, девица обхватила его ногами, а затем резко отдернула их и с силой лягнула тощего мальчишку, отчего Саббатон отлетел, словно сорванный ветром сарсазановый лист, кувыркаясь через спящих рабов, пока не врезался в железные прутья. Естественно, все в клетке проснулись и, подстрекаемые воплями девицы, собрались у противоположной стены, с обвинением глядя на Саббатона.

— Он — ведьма! — вопила обезумевшая дева. — Только что разговаривал сам с собой и смотрел сквозь меня! Хотел околдовать! Хотел меня... меня... хотел... обесчестить!

Саббатону вспомнились гнилые зубы, и он замотал головой, но в его слова никто не поверил. Непонятно было, то ли он отрицает, что он ведьма, то ли не хотел никого обесчестить. Злые женские и детские глаза уставились на него, и было ясно, что люди поверили девице. Поверили, что он хочет её обесчестить, хотя это абсурд: Саббатону на вид лет девять-одиннадцать, и он явно не колдун. Это просто какое-то безумие: подозревать в каждом страшного колдуна, особенно в мальчике!

— Смертомаг! Черный чаровник! Злой колдун! — во всю глотку закричал мальчишка рядом с девицей. Его крик подхватили остальные, разгоняя сон и будоража остальных рабов и солдат дикими воплями.

— Маг! Здесь маг!

— Он пришёл за нами! Он хочет убить нас и съесть наши сердца!

— Помогите! Убивают!

А самые маленькие дети просто завывали на столь дружной высокой ноте, что звук, казалось, пронзил тучи, на мгновение успокоил дождь и вызвал Энею с Яоном, чтобы те посмотрели на этого уродливого черного колдуна, посмеявшегося разбудить бедных рабов разговором с самим собой.

— Нет! — завопил Саббатон, стараясь перекрыть поднявшийся гвалт, и поднял руку. — Я не маг! И не колдун! Я...

Но едва он это сделал, крик усилился. К кричавшим присоединились все остальные.

— Спасите!

— Он колдует!

— Убивают!

И едва Саббатон попытался встать, вскочили и остальные рабы, отчего клетка затряслась, а мальчик почувствовал, как земля вновь уходит из-под ног. Крики разбудили рабов в соседних повозках-клетках, и те тоже заорали, призывая солдат проснуться и помочь добрым, несчастным людям против одного злого мальчика-мага. Ну почему он не может воздействовать на обычных людей? Почему этот глупый абсурд должен повлиять на него именно тогда, когда перед Саббатонем маячил выход? Солдаты проснулись, недовольно ворча на рабов и стуча по клеткам. И они приближались к клетке Саббатона.

— Нет! Я не маг! — завопил мальчик, когда недовольный и злой солдат уже тянулся к замку клетки.

— Они простолюдины, невежды! — кричал он. — Неужели не видят разницы между мальчишкой, разговаривающим сам с собой, и колдуном?! Почему вы им верите?! Я же говорю, что я не маг! Да неужели никто меня не слышит?!

Но его отчаянные мольбы тонули в гуле голосов. Люди обезумели: они поймали колдуна! А их с давних пор, ещё со времён восхождения Эльмира Третьего на трон, учили, что все ведьмы — зло и их нужно уничтожать. И сам Саббатон не мог не согласиться. Из всех ведьм, кого он встречал, самой доброй оказалась лишь Юлия, а остальные, включая и тех, кого уничтожила Жанна, были настоящими монстрами. И вот люди, сами того не осознавая, вообразили, что он — такая же ведьма, и решили линчевать его на месте.

Брыкающегося Саббатона вытащили из клетки и скрутили. Рабы, подначиваемые солдатами, наставили ему тумачков и едва не выпарапали глаза. Несмотря на сопротивление, мальчик оказался в руках солдата, который, не обращая внимания на его юный возраст, — на взгляд ему было всего десять лет, — грубо схватил Саббатона за горло и прижал лицом к железным прутьям решётки.

На шум из своего тёплого фургона вышел даже сам Сиф Раонрог, чтобы посмотреть, кто посмел нарушить его покой. Солдаты лишь на мгновение остановились перед Сифом, не давая сказать Саббатону ни слова. Сиф же просто кивнул, и солдаты потащили пацана в центр импровизированной арены, созданной из составленных в круг повозок-клеток. Одни быстро вкопали деревянный столб, другие привязали к нему Саббатона, третьи навалили вокруг хвоста.

— Я не маг! Я не ведьма и не чернокнижник! — орал Саббатон, но его слова, казалось, слышал только дождь. Ливень, наоборот, усилился, словно желая заглушить жалкие попытки мальчика оправдаться, прежде чем его казнят. Саббатон завыл от ярости и бессилия. Один из воинов зажёл факел и направился с ним к импровизированному костру, где сорокалетнего мальчишку ждала страшная участь.

«Ну, как? Нравится? — прозвучал рядом тихий голос Вани. Она стояла никем невидимая, оперев руки в бока и вопросительно подняв брови. — Мы вот в точно таком же положении были, когда взбешённые крестьяне приняли Юлию за ведьму, да и когда Жанна в своём логове хотела высосать из графини силы, то есть меня».

— Но я помог вам! — возмутился Саббатон. — Я лишил её силы, чтобы спасти вас! Я...

«Обманул, да? Чтобы Азраид заманил её в ловушку, да? А ещё ведь ты замыслил страшное, да?» — переспросила Ваня и растворилась в воздухе.

— Вернись! Помоги! Я помню, как ты убивала тронгов! Помоги! Сделай с солдатами тоже самое! — заорал Саббатон, судорожно пытаясь вытащить руки из слишком тугих верёвок, но ему не удалось. И словно ветром вдруг надуло шёпот призрака:

«Ни за что!»

Солдат, прикрывая огонёк факела шлемом от ливня, неумолимо приближался к импровизированному костру. Остальные же, с ехидными ухмылками на лицах, полными жажды

крови, с нетерпением ждали казни. Даже рабы, женщины и дети, прильнув к холодным прутьям своих клеток, жадно всматривались в то, как будут казнить человека, такого же, как и они. Саббатон искал в их глазах хоть каплю сострадания, но видел лишь звериную жажду крови. Все они жаждали смертельного зрелища. Неужели им было всё равно, что происходит с человеком на их глазах? Таким же жалким и беспомощным? Словно люди уже не задумывались, кто станет следующей жертвой, даже если это будет кто-то из них...

— Твари! — вновь заорал Саббатон. — Убийцы! Ребёнка одолели! Звери! Как вы будете жить с этим?!

Но его слова не тронули ни единой души. Звери в клетках смотрели на него с холодной, алчной жадой крови, а звери вне камер лишь ржали над его отчаянием, подбадривая солдата с факелом. Огонь же, фыркая и сопротивляясь, метался во тьме, сдуваемый ветром и шипя под вновь усилившимся дождём, который неведомым образом заливал воду под шлем. Но огонь не таял, как того желал мальчик, а цепляясь за просмоленную ветошь, жадно готовился пожрать кострище. Солдат же, наклонившись над пропитанными маслом сложенными ветками, с опаской поглядывал на обречённого колдуна.

«Да ты же сгинешь вместе со мной, Ваня! — вопил изо всех сил внутренний ребёнок».

«И ладно! Зато ты сдохнешь, и твои грязные помыслы развеются пеплом!»

«А как же Юлия? — рискнул спросить Саббатон. — Ты о ней подумала?»

Призрак замолчал на подозрительно долгий срок. Солдат уже поднёс горящий факел к хворосту. Если эта странная сила, которую он отобрал у Юлии и которая, судя по всему, обладала собственным разумом, не отличалась особой сообразительностью, то нужно было подтолкнуть мысли этой Вани в нужном направлении.

«Как она там без тебя? — спросил он. — Ты помнишь, где её оставила? На поле брани! Одну среди войска короля! Как думаешь, хватит ли ей сил справиться с врагами?»

«Она отлично владеет мечом! — отозвалась Ваня, но в её голосе не было уверенности».

«Да что толку от меча, когда вокруг столько диких зверей, враждебных рас и ведьм, которые уже повылазили из своих укрытий? Долго она будет отбиваться от них своим мечом? Может, уже и погибла?»

«Тогда мне тем более нечего здесь делать!»

«Или нет, — тут же поправился Саббатон, сообразив, что чуть не совершил ошибку. — Или она жива, но очень нуждается в твоей помощи! А ты как нерадивая сестра совсем забыла о ней!»

«Что ты несёшь?» — возмутилась Ваня.

«Помоги мне, и останется только дожидаться, когда она придёт за тобой. А она придёт, я уверен».

Сырые поленья, потрескивая, неохотно разгорались. Окружающие «звери», затаив дыхание, с жадным нетерпением следили за огнём, желая его скорой победы над проклятым и всеми брошенным мальчишкой. И вот, наконец, пламя уверенно охватило новые ветки. Саббатон, зажмурившись, сжал кулаки и судорожно подтянул к груди ноги, отчаянно пытаясь отсрочить прикосновение огня.

«Расслабься», — тихо посоветовала Ваня.

«Что?» — от неожиданности мальчик чуть не потерял сознание.

«Скорее расслабься, увечный! — воскликнула Ваня. — Мне же нужно через кого-то воздействовать на мир? А пока что я могу влиять только на тебя! Шустрее, ну! Хочешь же жить?»

«Хочу!» — выдохнул мальчик и обмяк в верёвках, словно уже мёртвый. Его ступни погрузились в жаркий огонь, но... не почувствовали боли!

«Отлично! — сказала Юлия. — Теперь ты не сгоришь!»

«То есть, ты их не убьёшь?» — удивился Саббатон, распахнув глаза. На него уставились не меньше сотни изумлённых взглядов. «Звери», чувствуя себя обманутыми, разинули рты в немом удивлении.

— Колдует! — хрипло прокричал кто-то из клетки.

— Верно! — рявкнул солдат, поджигавший костёр. — Колдует! Огонь его не берет!

— Стрелы! — скомандовал Сиф Раонрог, наблюдавший за казнью издалика. Солдаты, не мешкая, принялись за снаряжение луков.

«Ты не убьёшь их? — в панике повторил Саббатон».

«Я не стану никого убивать из-за тебя! Только ради Юлии! — ответила Ваня. — Достаточно, что они не смогут к тебе прикоснуться!»

«Что?! — разозлился мальчик, но тут же зажмурился и сжался в комок».

Стрелы полетели в него. Сильный страх сковал тело, и оно само собой дёрнулось несколько раз. Но ни одна стрела не достигла цели. Все они вонзились в невидимый щит и разлетелись в стороны. Солдаты, ошеломлённые и испуганные, разинули рты. Из клеток доносился довольный рёв рабов, с азартом наблюдавших за происходящим:

— Колдует! Убейте его! Убейте их всех! Убейте друг друга!

Лишь Сиф яростно орал, отдавая приказы:

— Не стойте столбами! Стреляйте! Подбросьте дров, пусть задохнётся! Переехать его телегой! Раздавить мага!

И главарь, выхватив длинный меч, сам бросился на не убиваемого юного мага. Саббатон видел его яростное лицо, мелькающее в свете факелов, и сверкающее лезвие оружия, когда очередной град стрел, срикошетив от невидимого щита Вани, заставил мальчика снова зажмуриться. Кто-то вскрикнул — очевидно, одна или две стрелы, отскочив от щита, поранили пленниц. Одну из телег-клеток развернули, и кляча, пытаясь, стала толкать её на столб с привязанным Саббатом. Сиф Раонрог, не отставая, с яростью, присущей главарю, обрушился на воздушный щит мечом, но тот всякий раз отскакивал, а Сиф лишь пуще расходился, изрыгая ругань и нанося новые удары.

И хотя мальчик, по сути, не погиб сразу и все ещё был защищён невероятной для Тантары силой, для него ничего не изменилось. Он по-прежнему находился в центре вражеского лагеря, привязанный к костру, в него стреляли лучники, а главарь пытался зарубить, и вот-вот наедет тяжёлая телега-клетка с вопящими от ужаса рабами. И ни малейшего намёка на спасение...

— Раздавить! Раздавить его! — заорал Сиф, устав махать мечом, и отошёл от столба с мальчиком, уступив дорогу телеге.

— Ваня! — вскрикнул Саббатон, когда телега уже была в нескольких шагах. — Помоги!

«Нет!» — рявкнула в ответ Ваня.

И...

Вспыхнув ослепительным пламенем, телега взорвалась. Разбросав по сторонам горящие обломки тел рабов, она кувырком взлетела в ночное небо, словно от пинка могучего великана. Вместе с телегой взлетели лошадь и управлявший ею солдат, а лучников и Сифа Раонрога ударной волной повалило на землю.

— Вот это да! — радостно воскликнул Саббатон. — Спасибо, Ваня! Какой взрыв! А ты говорила, не будешь...

«Это не я, — отозвалась Ваня. — Кто-то другой тебе помог».

— Кто? — с беспокойством в голосе переспросил мальчик, вертя головой в поисках неведомого спасителя. Но вокруг, кроме поваленных на землю солдат да испуганно воющих в клетках рабов, никого не было.

«Судя по взрыву, это ведьма, — предположила Ваня. — И весьма сильная».

— Где она? — воскликнул Саббатон.

Но вместо Вани на этот вопрос ответил Сиф. Первым вскочив на ноги, он подбежал к ближайшему лучнику, выхватил у него лук, вложил стрелу, натянул тетиву и поднял оружие вверх, в дождь и тьму ночного неба.

— Она летает? — удивился Саббатон. Но тут же вспомнил, как Юлия, сияя ярким светом, спускалась с небес над Долиной Оракулов и Красных Драконов, а потом пролетала над королевским войском. Вопрос отпал сам собой. Конечно, некоторые ведьмы летают. И, очевидно, именно такая ведьма сейчас их атаковала.

Где-то в толще туч возник ослепительный огненный шар, разросшийся до размеров человека, и устремился вниз. Сиф, не дрогнув, встретил его взглядом. Сначала воин выпустил стрелу, а затем, кувырнувшись по мокрой траве, чудом увернулся от пылающего снаряда. Тетива звонко щёлкнула, и незаметная в ночном небе стрела, едва разминувшись с огненным шаром, устремилась к невидимому противнику.

В тот же миг, когда шар, вспыхнув ослепительным пламенем внутри круга из повозок, оставил на земле огромный огненный след, сверху свалилась тёмная фигура, прочертив в небе сияющий след, который быстро погас. Словно некогда пылающий объект, остывающий после смерти.

— Проверить, жива ли ведьма! — рявкнул Сиф, указывая на упавшее тело. — Остальным взять луки и смотреть в небо! Их может быть несколько!

И как ни в чём не бывало Раонрог, подойдя к Саббатону, вновь принялся яростно рубить невидимый щит, созданный Ваней. Мальчик, не отрываясь, смотрел на покрасневшее лицо Сифа и два белых шрама, пересекавших его нос и губы. Этого воина ничто не сломит... Ярость подобных бойцов сокрушает города, что ей какой-то невидимый щит? Если Сиф его не видит, значит его нет.

«Боги! — подумал Саббатон. — Он такой же упрямый, как и я...»

«Только он не застрял в теле сопляка», — заметила Ваня.

«Зато вместе со слабостью, это может быть силой», — парировал мальчик.

«Ты имеешь в виду, что некоторые не станут убивать мальчишку? — переспросила Ваня. — Наивный. А сейчас они что делают?»

«Они думают, что я — чернокнижник. Из-за тебя, кстати...»

«А я из-за тебя здесь, а не с Юлией. Так что сам виноват во всём! Нечего на нас перекладывать».

«Во всём виноват брат! И твой отец, между прочим! Хотя не твой конечно... а Юлии...» — яростно ответил Саббатон. Раз разговор зашёл о виновных, то он просто обязан указать, кто это! Он никогда не простит брата за то, что тот выгнал его из дома. Он никогда не забудет, как жил тридцать лет изгоем.

«Да когда же он устанет?» — перебила Ваня, и внимание Саббатона переключилось на Сифа.

Образ этих полных ярости и злости глаз с особой ясностью вложил в голову Саббатона мысль, что если этот человек его сейчас не убьёт, то мальчику непременно придётся убить его в будущем, чтобы освободить себе путь. Иначе он не сможет перешагнуть через этого монстра, так похожего на самого Саббатона.

И в этот момент Сиф отвёл яростный взгляд куда-то вбок, за пленника. Что бы ни отвлекло Раонрога, оно было страшным, ибо лицо главаря вытянулось, а сам он быстро попятился и начал толкать своих солдат, чтобы те загородили его собой.

— Что там? — пробормотал мальчик, пытаясь повернуть голову достаточно, чтобы разглядеть, чего так испугался предводитель бывших вояк. — Да что там, Ваня?!

«Нечто стра-а-ашиное!» — провыла загробным голосом Ваня, и по спине Саббатона пробежали настоящие мурашки.

— Э-э-э... А точнее? — мальчик вертел головой, но не мог разглядеть, что движется за спиной. Лишь краешек глаз, как ни поверни голову, угадывал нечто смутное, огромное и живое. С неприкрытым ужасом в клетках завывали женщины с детьми, но больше ничего не случилось. А бояться от одного лишь вида трясущихся от трепета других людей, Саббатон не привык, а потому ждал, когда нечто ужасное всё-таки соизволит пройти в центр кольца из телег и показаться во всей красе.

Что-то холодное коснулось его по всей поверхности тела, будто мальчика погрузили в ледяную воду. Зрение тоже исказилось, словно глаза вновь застил дождь. Саббатон замотал головой и задёргался, но пока нечто не прошло через него, холодая невидимая масса окутывала, будто остывшее одеяло. И мальчик вдруг понял, что не может дышать. Он судорожно хватал ртом воздух, но лёгкие раз за разом оказывались пусты, и Саббатон понял, что вот-вот настанет конец, которого он не только не просил, но и всей душой избегал.

«Ваня! Ваня! Ваня! — мысленно вопил мальчик, захлёбываясь тьмой безвоздушного пространства. — Помоги! Куда ты делаешься?!»

«Никуда, — меланхолично отозвалась Ваня. — Я всё ещё здесь, всё ещё защищаю тебя. Но эта странная субстанция проходит сквозь меня».

«Что же?... что же делать?!»

«Ничего. Ждать!»

«Ждать?! — новый вихрь панических мыслей, новые судорожные спазмы в груди. — Да я сейчас задохнусь!»

«Это будет знаменательный день! — лишь проронила Ваня. — Мрачноземье станет чуточку светлее...»

И замолчала.

И тотчас всё прошло. Саббатон жадно глотал влажный воздух, не в силах разглядеть происходящее вокруг за пеленой слез. А потом, проморгавшись, увидел едва заметную чёрную дымку над головами испуганных солдат. Все вокруг тряслись от страха, будто увидели нечто самое ужасное в своей жизни.

— Что это было? — прошептал мальчик пересохшими губами.

— Шизоки, — ответил властный женский голос из-за спины.

— Туман потаённого страха? — удивился Саббатон, до хруста в шее повернув голову, но так и не увидев собеседницу. О Шизоки ему рассказывала Жанна в порывах частой болтливости, но, судя по её рассказам, такая сила была лишь у одной ведьмы — Верховной колдуньи ведьмино альянса в горах к северу от Олуока. Жанна никогда не стремилась попасть в альянс и всячески избегала встречи с его участниками. И Саббатону не стоило труда догадаться почему... Она их боялась.

Так что же получается? Сейчас, во тьме среди полей графства ди Ванэско, его пришла спасать сама Верховная ведьма? Но позвольте... Ведь ведьминский альянс — тайная организация! Они всю жизнь скрывались от войск короля, да и от людей, а теперь после его смерти, значит, вышли за пределы своей территории? В голове что-то щёлкнуло, и мальчик поражённо заморгал: а ведь Марк победил, несмотря на проигрыш! И теперь люди, боявшиеся высунуть нос из пещер или как-то раскрыть свои магические способности или тайны, расправили чёрные колдовские крылья и почувствовали власть. Будь то ведьмы, мерзавцы, или просто твари из самых тёмных глубин, где веками сплетаются злость и ненависть к людям, все они хотят жить, как люди до похода короля — не скрываясь.

— Именно, молодой колдун, — ответила женщина, наконец, выйдя из-за спины. — Субстанция страха, эфир потаённого ужаса, эссенция снедающего мужество яда.

— Вы... ты... Вы — Верховная ведьма?

Женщина в чёрном развевающемся на лёгком ветру платье кивнула:

— Именно! Андрэ Гаргония си Вильва. Мы тут пролетали мимо... и почуяли, что одному из вас грозит ужасная смерть на костре. И решили спасти тебя при одном условии...

— Вас? Вас много? — удивился Саббатон.

— Всего-то трое, — пожала плечами Андрэ Гаргония, и к ней вышли ещё две девушки, лет тридцати, тоже в свободных, развевающихся на ветру и почему-то не мокнущих одеждах. Весьма красивые и не похожие на ведьм из страшных рассказов простых смертных. Это что же? Байки о ведьмах-старухах — неправда? Получается так... — Одна, увы, покинула нас.

Ведьма посмотрела в сторону, куда до этого упала подстреленная Сифом колдунья.

— И в нашем альянсе открылось местечко для нового члена. Ты точно колдун? Или эти... подонки просто так развлекаются? Сами наделили тебя ведьмиными способностями и решили сжечь?

Саббатон чуял подвох в словах Верховной ведьмы. Неужели спасение зависело от его колдовских способностей? Не оставили бы его на растерзание солдатам, не будь он магом? Ответ знать не хотелось, поэтому, не желая огорчать Андрэ Гаргонию, он с жаром выпалил:

— Да-да! Они правы! Хотели сжечь меня из-за моих...

— Отлично! — улыбнулась Верховная ведьма и взмахом руки освободила его от пут. Саббатон упал на землю, но, сдержав стон, тут же вскочил. Однако Андрэ уже потеряла к нему интерес и отдавала распоряжения спутницам:

— Распустите как можно больше рабов. Пусть солдаты на время забудут о нас и погоне. Забираем клетку с жертвами. Этого, — она махнула рукой в сторону Саббатона, — к рабам, пока не докажет свои силы... Да поживее. Едем в Логово, надо восстановить силы после трудной недели.

Известие о том, что ему снова предстоит сидеть в клетке, омрачило настроение Саббатона. Но ехидный голос Вани в голове напомнил:

«Ты должен быть ей благодарен за спасение! Подумаешь, ещё немного потрёшься боками о жёсткие доски, зато скоро станешь своим! А не сожжённой головёшкой в чистом поле...»

Ваня была права! И Саббатон безропотно полез в указанную ведьмами клетку. Путь продолжился, но уже в другом направлении — на север.

Что ж, какими бы извилистыми ни были дороги к величию, главное, чтобы они не вели в пропасть. А пока нужно было решить, что сказать ведьмам о своей силе, ведь его способность подавлять и забирать силу у других колдуний они могли посчитать опасной.

Глава 4. Ветер времени

(Юлия)

Пять дней назад Орин-Юджин провёл Юлию по гостевым покоям нижних этажей замка, высеченных в толще горы, где обитали спасшиеся Оракулы.

Чем ниже спускались молодые люди, тем тяжелее и тревожнее становилось на душе у Юлии. Светлые коридоры с окнами, выходящими наружу, сменились сумрачными каменными подвалами, освещаемыми тусклыми светильниками. Спустя некоторое время Юлия разглядела, что внутри мутных, запылённых плафонов копошились крошечные крылатые существа. Она спросила об этом Орина-Юджина, а он лишь махнул рукой.

— Жваасси, — бросил он. — Феи света. Сколько себя помню, их всегда так использовали.

Юлия промолчала, но нахмурилась. Ей была отвратительна сама мысль, что маги Света эксплуатируют живых существ в своих целях. Графиня украдкой наблюдала за крохотными светящимися феями сквозь мутное стекло и не видела на их лицах ни радости, ни интереса к происходящему за стеклом. Наоборот, в их глазах читались печаль, усталость и явное нежелание жить. Одна из фей даже билась тельцем о стекло, не жалея себя. От усилий она светилась ярче, помогая себе крохотными кулачками барабанить по плафону. Орин-Юджин же не обратил на это ни малейшего внимания. Значит, не такие уж они и правильные, эти люди Сэмена... Не так уж и отличаются от жителей Тантары.

Чем ниже они спускались, тем сильнее нарастало беспокойство Юлии. Появлялись двери, затянутые паутиной, заколоченные сухими досками или запечатанные ржавыми железными прутьями. Иногда из-за таких дверей доносились тихие шорохи или тоскливые стоны, и девушка боялась спрашивать об их происхождении. Лишь однажды, обернувшись, Орин-Юджин заметил тревогу в глазах графини и успокаивающе улыбнулся:

— Не бойся. Здесь содержатся враги Сэмена. Это люди или существа, опасные не только для нас, но и для всего мира. На них явственно лежит печать Мрака, и их нельзя выпускать на волю. А казнить... От казни мы уже давно отказались, заменив её на длительное заключение. Вот, например, — Орин-Юджин остановился у каменной двери, украшенной узорами из древних рун, в которых Юлия узнала мотив из храма Справедливости, и положил руку на её неровную поверхность. — Здесь уже три столетия сидит могущественный колдун, последователь Радаста Высшего, покровителя ведьм. Этот маг настолько зол и опасен, что камера для него была создана магическим образом, чтобы никто и никогда не смог к нему проникнуть. Силы этих стен позволяют ему колдовать, но только для поддержания жизни: создавать еду и воду, ухаживать за собой. За пределы камеры его чары не проникают. Он заперт здесь навсегда, на полном самообеспечении.

Из-за двери раздался жуткий рык, более подходящий зверю, нежели человеку, и Юлия отшатнулась от страха. Но Орин-Юджин лишь улыбнулся.

— Магу не хватает общения, вот он и разучился говорить. Больше рычит и кричит от злости. Пойдём, у наших Оракулов комнаты совсем другие. С видом на горы, как у тебя.

Они ещё долго спускались по узкому, пологому коридору, который, словно витая спираль, огибал гору. Наконец, Орин-Юджин распахнул одну из дверей, и в привыкшие к полумраку глаза графини ударил яркий свет.

Когда глаза привыкли, Юлия разглядела просторную комнату с массивными дубовыми кроватями, тяжёлым столом, шкафами, полными книг, и широкими окнами. Окна были затянуты прозрачным материалом, который прекрасно пропускал солнечный свет. Белоснежные снежные вершины, отражая лучи солнца, слепили глаза. Юлия никогда не видела ничего подобного. Даже в её замке окна по большей части были затянуты плёнкой из многократно вытертой

до прозрачности коровьей кожи. Небольшая же часть, как и в её покоех здесь, была заполнена мозаикой из разноцветных кусочков стекла. И хотя окна были прозрачными, разглядеть что-то за ними было почти невозможно. Лишь нечто размытое, коричнево-мутное или разноцветное, но тоже искажённое. А здесь же свет словно не замечал преграды.

— Наше изобретение, — довольно ухмыльнулся Орин-Юджин. — Молодые ученики, ступившие на путь магии и изучающие волшебство, добывают в недрах Анддрамена горный хрусталь. А Ахмед Самарский, маг огня из Самари, создал статую Урукха, которая извергает огонь, когда нужно. В общем, горный хрусталь расплавляют, он растекается тонкой плёнкой на ровной каменной поверхности скалы и застывает. Получается очень твёрдый, но хрупкий материал. Достаточно стукнуть пальцем, и он разлетится на множество осколков. К счастью, на такой высоте птиц мало, а грозные ястребы сюда не залетают, потому что комнаты обитаемы, и прекрасный вид перевешивает этот недостаток. Жаль, конечно, что производим его мало, но к концу столетия постараемся застеклить этим чудо-стеклом все окна в Сэмене.

— Это точно, вид что надо, и окна потрясающие... — согласилась Юлия, заворужённо разглядывая горные пейзажи и не сразу обратив внимание на присутствующих.

— А это, графиня, позволь представить тебе, — Орин-Юджин указал рукой вглубь комнаты, — спасённые тобой и последние на свете Оракулы. Эль и Ёля.

Юлия впервые видела Оракулов. Они восседали на резных деревянных стульях с высокими спинками, а их огромные головы, в четыре раза превышающие человеческие по размеру, затылками опирались на эти спинки. Тела Оракулов напоминали людские, но вот лица, если их можно было так назвать, отличались настолько сильно, что спутать этих существ с людьми было невозможно, даже в темноте. Широкий рот с выступающими вперёд узкими и острыми зубами, вместо носа — кожное веко, скрывающее то, что должно было им быть, а вот у глаз век не было: огромные янтарные полусферы, словно чайные блюдца, прилепленные к шарулицу, с квадратными зрачками, катающимися внутри независимо друг от друга.

— Я... — хотела представиться Юлия, когда отошла от первого потрясения, но Оракул справа, названный Орин-Юджином Ёлей, — перебил её, или перебила, ведь пол определить было невозможно: внешне оба Оракула были абсолютно одинаковы.

— Ты — Юлия, мы знаем. И ты знаешь, кто мы.

— Я... э... — замялась графиня, ведь Орин-Юджин только что при них представил ей странных существ, и они не могли этого не слышать. — Да. Я знаю, кто вы. Оракулы.

— А значит... — подсказал левый Оракул, слегка склонив голову.

— Значит, вы всё знаете? — на всякий случай уточнила Юлия.

— Именно так, — улыбнулась Ёля.

— Значит, вы знали, что король идёт убивать вас, и ничего не сделали, чтобы этого избежать? — вновь уточнила графиня.

— Таковы течения времени, — произнёс Эль. — Мы не можем сопротивляться его холодным ветрам. Мы чувствуем его, оно манит нас...

— Но можно было хотя бы спрятаться? — не унималась ди Ванэско.

— Это ничего не дало бы, — терпеливо возразил Эль. — Ветер времени лишь слегка изменил бы вектор, а потом вернулся бы на заданное направление. Король нас бы нашёл и в укрытии, но чуть позже...

— Но я бы его убила раньше, чем это случилось! — воскликнула Юлия.

— Видишь ли, дорогая, — мягко возразила Ёля. — Когда ветер времени меняется, трансформируется и всё остальное. Расстановка фигур на великой шахматной доске времени тоже. Если бы король знал, что мы в другом месте, то и ты бы его не обнаружила там, где случилась ваша битва, а значит, и бой свершился бы позже... и возможно, не так радужно, как всё обернулось сейчас...

— Радужно?! — возмутилась графиня. — Смерть моей семьи и гибель всего вокруг — это радужно?!

— Прости, дорогая, — вмешался Эль. — Для нас ветер времени всегда дует вперёд. Мы постоянно следуем за ним, и самые важные события для нас — те, что ещё не свершились. А то, что в прошлом, увы, лишь пыль, оставленная потоками времени. Поэтому мы не можем сочувствовать или жалеть о твоей потере или любых других. Но зато мы знаем, что случится дальше, а потому можем радоваться свершившемуся, как нам хотелось, или горюем, когда ветер времени приносит нежеланные изменения. Ты — одно из радостных событий. Так что, если позволишь, мы обнюхаем тебя, чтобы выяснить, куда ветер времени отнесёт твой путь.

— У меня есть выбор? — на всякий случай спросила Юлия. — Мне как-то не очень интересно, куда задует ветер моей жизни...

— Это заблуждение молодости, — улыбнулась Ёля. — Тебе необходимо знать путь ветра, чтобы следовать ему.

— Или чтобы менять? — вновь уточнила графиня.

— Менять? — удивились оба Оракула одновременно. — Зачем тебе менять свой путь?

— Чтобы не допустить чего-то, — ответила девушка. — Может быть, мне не понравится, куда дует этот ваш ветер.

— Твой ветер, — поправила Ёля и добавила: — Конечно, ты можешь пытаться изменить свой путь, но с каждой такой попыткой его потоки будут расходиться и множиться. И в итоге неизвестно, чем всё закончится и где ветер времени решит собрать в одно дыхание все остальные потоки... Выслушай нас, и сама решишь, верить или нет.

— А разве можно не верить?

— В этом особенность вашего вида. — ответила Ёля. — Вы не хотите верить в очевидное, но часто доверяете глупостям и настоящим сказкам. Это же путаница. Запомни: истина всегда одна, а любые её толкования — лишь мнимое людское мнение, которое они накладывают поверх правды в зависимости от своих желаний, опыта и ещё множества факторов.

— Хорошо, — сдалась Юлия. — Говорите, что должны. Ведь от того, что вы не скажете, ваш ветер никуда не денется. Не исчезнет же...

— Верно, — согласился Эль. — Орин-Юджин, попрошу вас...

— Да, конечно, — кивнул с улыбкой аль Вааль и направился к двери.

— Стой! Куда ты? — удивилась Юлия. Ей совсем не хотелось выслушивать рассказы о странных видениях одной.

— Прости, графиня, — покачала головой юноша. — Это твоя история, и она предназначена только для тебя. Никто, кроме тебя, не должен слышать Оракула, если этот ветер времени твой. Так что... я подожду за дверью. Как закончите, позови, и я войду.

Неуверенность и одиночество вновь навалились на Юлию тяжёлой плитой, когда дверь за аль Ваалем закрылась. Она повернулась к странным существам и, хотя те продолжали спокойно сидеть, не знала, куда спрятать руки. Правая же упорно искала Гринандэр, словно Эль и Ёля несли графине угрозу. Впрочем, в каком-то смысле так и было: своим предсказанием они могли обречь девушку на нежеланный или опасный путь. И Юлии этого очень не хотелось.

Когда графиня ди Ванэско приблизилась к Оракулам и нервно застыла в ожидании, их квадратные зрачки заметались в янтарных блюдцах в совершенно независимых друг от друга направлениях, а кожа вместо носа приподнялась, открывая, казалось, бездонные, черные дыры. В них тотчас со свистом начал всасываться воздух, пугая графиню ещё сильнее. Тела Оракулов затряслись, а тонкие руки с длинными сухими пальцами с силой схватились за подлокотники. И... почти тотчас всё прекратилось. Носовая кожа легла на место, закрывая чёрные дыры, а глаза успокоились, зрачки, наконец, впервые за время посещения Юлией Оракулов, сошлись на ней.

— Ты... — заговорили Эль и Ёля одновременно, словно репетировали, отчего по спине девушки пробежали мурашки.

— Ты умрёшь! — заявили они. — Но до этого поможешь Мраку окутать Мрачноземье. Потом сгинешь, забрав с собой тёмного Владыку, и... вернёшься из тени смерти вновь, чтобы воссоединить Левию и Правую, чтобы Сэмен, наконец, наполнился светом...

Оракулы замолчали. Их зрачки вновь смотрели в разные стороны, а голоса ещё какое-то время отскакивали от стен, будто горное эхо. Юлия стояла ни жива, ни мертва, ожидая, что ещё эти страшные существа добавят к сказанному, но они молчали.

— И это всё? — уточнила графиня, которой казалось, что её обманули и что это странное пророчество вовсе не пророчество, а какая-то чудная фантазия, сорванная с языков не совсем понятных простому человеку существ. — Никаких подробностей?

— Подробности напишут все остальные, — улыбнувшись, ответила Ёля. — Те, с кем ты встретишься на этом пути.

— Ну, а как же само пророчество? Я умру? Но ведь мы все умираем рано или поздно...

— Не так, как ты...

— Но, тогда как?

— Ты всё слышала. Когда-то давно в Мрачноземье жили Фениксы. Ты знаешь, кто это? — спросил Эль.

Юлия пожала плечами. Ёля кивнула и продолжила:

— Это птицы, которые сгорают, а потом возрождаются из пепла.

— Я должна сгореть? — побледнев, уточнила Юлия. — А потом возродиться из пепла?

— Нет, твой путь сложнее, — ответила Ёля. — Это лишь пример того, что смерть может быть временной. Твоя смерть тоже такого рода.

— И когда всё это случится?

— Что именно?

— Да все эти события? Когда я уничтожу Мрачноземье? — Графине совершенно не нравилась мысль, что именно она причина падения мира во Мрак.

— Во-первых, не ты, а Азраид. — пояснила Ёля. — Во-вторых, не уничтожишь, а поможешь захватить. В-третьих, мы не можем назвать даты. Ветер на то и ветер, что дует вперёд. Время размывается, и для нас оно несущественно.

— Но для меня существенно! — воскликнула Юлия. На её глазах навернулись слёзы.

— Вы, люди, такие странные и надменные существа... Почему вы решили, что мир крутится вокруг вас? — спросила Ёля. — Почему не иначе? Почему не может быть так, что это вы песчинки одного большого механизма? Вас мотает по ветрам времени, и, если ты достаточно большая песчинка, тобой может заклинить весь механизм. Пойми, если ты не пройдёшь этот путь, всегда отыщется другая песчинка. Но позже. За это время мир и ветра времени могут перемолоть страны и множество жизней твоих сородичей, намного больше, если бы этой песчинкой стала ты...

— То есть я... — пробормотала Юлия, слёзы уже катились крупными каплями из глаз. — То есть из-за меня...

— Не надо принимать все события на свой счёт, — начал было Эль, но Юлия перебила его:

— А как их ещё воспринимать? Как вы? Будто ветер времени проносится мимо вас? Будто людские судьбы и жизни — это лишь элементы какой-то игры? А как же горе, боль, людские смерти? Как же утерянные навсегда близкие? Как, например, мои мать, отец и сёстры? Как Саббатон, который сорок лет живёт мальчишкой? Как же наши чувства?

— Вы — люди, — печально пожала плечами Ёля. — У вас их не забрать и не спрятать. Придётся терпеть...

— В этом моё предназначение? — сквозь слёзы спросила графиня. Её кулаки сжимались от бессилия. — В терпении?

— Нет. — ответила Ёль. — В конечном итоге, ты должна принести в Мрачноземье мир и равновесие.

— Когда?

Но Оракулы молчали, и ди Ванэско поняла, что бесполезно взывать к ним. Да и не хочется. Чувства обуревали девушку, и она поспешила уйти. Едва захлопнув дверь в комнату Оракулов, Юлия прислонилась к ней и дала волю слезам. Закрыла глаза руками, и рыдания сотрясли девушку.

— Что случилось? Что они тебе наговорили? — подбежал Орин-Юджин и приобнял за плечи.

— Это... это... — прошептала сквозь рыдания девушка. — Предназначено только мне. И я... я... не знаю, как это вынести! Они... они бездушные твари! Они...

— Они Оракулы, — добавил Орин-Юджин, и Юлия подняла на него покрасневшие глаза. Маленькие феи в лампах печально прильнули к мутному стеклу.

— И поэтому должны говорить нам, что делать? Я, например, не хочу делать то, что они заставляют...

— Они не заставляют, — покачал головой аль Вааль. — Да и тебе не обязательно верить в то, что они сказали.

— Но они же Оракулы!

— Да, — согласился юноша. — Но на моей памяти им никто и никогда не верил. Это такие существа. Они витают где-то в своих сферах мира и говорят то, что посчитают нужным. Совсем не обязательно им верить.

— Но зачем-то же их хотел уничтожить король?

— Знаешь, — задумчиво произнёс Орин-Юджин. — Любой бы негодовал, когда ему сказали о скорой кончине или о том, что под ним шатается трон и скоро...

— То есть из-за их предсказаний их и уничтожили?

— Да. — задумчиво произнёс Орин-Юджин. — Само предсказание ничего не значит, но, если оно открывается посторонним, они его могут принять, как призыв к действию. Например, предсказание о том, что трон шатается, наверняка вызвало нездоровый блеск в глазах и алчный скрежет в умах всех герцогов, для которых преградой к трону был сам король. Услышав такое пророчество, они бы только поспешили его исполнить.

— Я... я... не хочу того, что они предрекли... — прошептала Юлия, слёзы вновь застилали ей глаза.

— И не надо! — уверенно ответил Орин-Юджин. — Просто живи. Ветер времени найдёт свой путь, и мне кажется, он будет другим, не таким, как видят его Оракулы. Мне, например, они напроорочили, что ты станешь вторым магом Андрамена и вместе со мной будешь править Сэменом. Но я же не могу допустить, чтобы ты пошла на это по принуждению. А в то, что ты сама согласишься, у меня веры нет. Поэтому и получается, что предсказания Оракулов — это лишь возможные варианты будущего, которые скорее всего никогда не наступят. Или о настолько отдалённом будущем, что мы забудем о самом предсказании, когда оно так или иначе сбудется. Поэтому утри слёзы, и живи. Спокойных мгновений не так и много, успевай ими насладиться, пока совет Семи не состоялся. Что-то подсказывает мне, что мы на пороге большой войны, и когда ты к нам примкнёшь, уже не будет времени на думы.

Юлия вытирала слёзы, смотрела на красивые черты аль Вааля и думала о его словах, но страшное предсказание Оракулов не хотело отпустить, как и желание не допустить претворения в жизнь пророческих слов. А ведь если она станет магом Левии и начнёт править Андраменом, как говорит Орин-Юджин, то может как раз и случится то, о чём ей говорили Эль и Ёля. А значит, нужно избегать и предсказания Орину-Юджину...

Некая неуловимая тень расправила над ней крылья в тот день, словно подталкивая к пропасти, из которой Юлия ценой невероятных усилий и жертв недавно выбралась. Графине не хотелось вновь пройти путь, подобный завершённому, но он неотвратимо приближался, и всё только об этом и говорило.

Глава 5. Травяной зов

(Саббатон)

Три дня лил проливной дождь, но ему на смену пришёл лишь ночной холод. Саббатон, возможно, и хотел бы вновь прижаться к кому-то, чтобы согреться, но не мог. Его страшились не только женщины, но и дети. Неудивительно, ведь сначала мальчугана чуть не сожгли солдаты, приняв за опасного колдуна, а потом его спасли настоящие ведьмы.

Теперь невидимая стена отчуждения отделяла Саббатона от жавшихся к ржавым прутьям клетки людей. Он сидел в одном углу, а другие рабы занимали остальные, стараясь держаться подальше от него. Косые взгляды преследовали его, стоило лишь шевельнуться. Женщины, прижимая к себе детей, выпускали дикий рык и шипение, словно пытаясь отпугнуть не монстра, а дикого зверя.

Чем дальше увозила их телега-клетка, тем спокойнее и смелее становились её узники. Они распределили время между собой, не ложась спать одновременно. Кто-то всегда бодрствовал, не сводя с Саббатона бдительных подозрительных глаз. А вот у него не было сменщика, и бодрствование давалось ему нелегко. Он боялся закрыть глаза. Вдруг они нападут на него...

Мальчик несколько раз просил ведьм выпустить его из клетки, но Андрэ Гаргония си Вильва лишь с пренебрежением смотрела на Саббатона, словно не считая ни за человека, ни за колдуна. А её подчинённые, белокурая красавица Азия Сальва и грозная великанша Клариса Борис, по очереди говорили:

— Пока не докажешь, что ты колдун, будешь сидеть с рабами.

— А когда мне это доказывать?

— Как решит Верховная.

— Но меня же покалечат! Они уже смотрят на меня как на грязь, того и гляди избыют или, того хуже, убьют!

— Считай это частью испытания, — улыбнулась Азия, взмахнув пышными светлыми кудрями, которые, словно пружины, взметнулись вверх и бодро запрыгали. — Если ты позволишь им убить тебя, то испытание на магические способности бессмысленно — ты точно не маг. — Азия хитро прищурилась и подмигнула: — Но ведь этого не случится? Ты же маг?

«Ваня, ты слышишь? — с тревогой мысленно вопрошал он. — Ты здесь?»

«Конечно, здесь, — ворчала она. — Куда я денусь, пока нет Юлии?»

«Ты это... можешь?... Хочешь... или... слушай...»

«Могу, — согласилась Ваня, — слушать тебя, но не хочу. Что ещё?»

«Э-э-э... нет! — забеспокоился Саббатон. — Я не это хотел спросить. Просто... может посмотреть тут, если я засну? Мне очень хочется спать, но я не могу. Они постоянно за мной следят».

«Женщины и дети? — удивилась Ваня. — И ты боишься?»

«Не то, чтобы... Но ты посмотри, как злобно смотрит эта девчонка! А вдруг...»

«У-у-у, как страшно! На него смотрит девчонка! Из её глаз летят стрелы... гнева! У-у-у...»

«Хватит! Я серьёзно! Мне не до смеха. Они меняются, чтобы не пропустить мою атаку, которой не будет, ведь я ничего не могу сделать с обычными людьми, но... ведь они могут на меня напасть. Они поймут, что я один, и во сне менее всего опасен. А вдруг они захотят меня убить, пока я сплю?»

«Думаешь, справятся? — с сомнением в голосе спросила Ваня. — Они обессилены. Плохое питание, холод и отсутствие движения за последние полмесяца сделали их очень слабыми».

«Да знаю я! — раздражённо воскликнул Саббатон. — Ты повторяешь то, что я и так вижу! Пусть они слабы, но их много — одиннадцать человек! Навалятся, пока я буду спать, и

задушат! Ведь они меня боятся. А опасных, бешеных псов обычно убивают, прежде чем они кого-то покусают. Если они это поймут...»

«Очень меткое сравнение, Саббатон, — промурлыкала Ваня. — С псом».

«Ваня! Мне не до шуток! Я хочу спать! Уже третий день не могу уснуть. Кто-то из них постоянно за мной следит!»

Ваня замолчала, а потом с лёгкой ноткой сожаления в голосе сказала:

«Я не могу тебе помочь. Видишь ли, пока ты будешь спать, я тоже буду в некотором подобии забытья. Сила, которой я являюсь, действует через тело, и, если оно погружается в сон, сила тоже замирает. Кажется, ты должен знать об этом больше меня. Тебе же около сорока?»

«Что же делать?» — спросил он.

«А у тебя есть выбор? — уточнила Ваня. — Сон, как бы ты его ни избегал, настигнет тебя в самый неподходящий момент. И чем дольше ты будешь сопротивляться, тем тяжелее будет проснуться».

— Все такие умные, — проворчал он себе под нос. Саббатон обхватил руками тощие, угловатые коленки, выглядывающие из дыр в грязных и рваных штанах, и положил на них голову. Постоянно ноющий и зудящий обрубок левой руки пришлось обхватить правой.

«Боги! Сколько же мне ещё предстоит вытерпеть? Разве тридцати лет недостаточно для маленького мальчика? Что же вы мне ещё подсунете?»

«Совсем не жалко, — сладко проворковала в глубине головы Ваня. — Ты ведь сам пытался заманить в ловушку свою племянницу».

«Все началось с её отца. Его долг мне нужно было отдать ей».

«Неправда, — ледяным тоном возразила Ваня. — Всё началось гораздо раньше. Я — часть тебя, и от меня тебе не скрыться. Если бы похоть не затуманила твой юный разум, не потянула к придворной целительнице Жанне, ничего бы этого не было. Именно она стала проклятием всего дома ди Ванэско. А твой брат... он поступил так, как считал нужным. Он сохранил тебе жизнь, хотя мог бы запросто прикончить. А ты вместо благодарности преследуешь его дочь, забыв, кому обязан жизнью».

«Лучше бы Кардан меня убил, — пробормотал Саббатон. — Это не жизнь...»

Из кучи тряпья, напоминавшего ворох грязной одежды, в дальнем углу клетки доносились храп и сопение. Но два немигающих взгляда следили за каждым его движением.

«Интересно, — мелькнула дурацкая, но нестерпимая мысль, — а после снятия заклęcia Кукуды я, наконец, когда-нибудь повзрослею?»

Но ощущения в маленьком теле оставались прежними. Саббатону совсем не казалось, что десятилетнее тело, в котором он был заперт на тридцать лет, начало расти. Может, стоит подождать? Не торопиться? Ведь если оно и продолжило рост, то этот процесс не мгновенный... Впрочем, затаённый страх, что его тело навсегда застряло в десятилетнем возрасте, давил на плечи тяжёлым грузом.

Вокруг клубился утренний туман, а на востоке, словно кровавое зарево, алел горный гребень. Туман, подбираясь все ближе, постепенно заполнял и клетку. Мерное покачивание телеги убаюкивало, веки наливались тяжестью. Время будто застыло, а мир вокруг накрыло лёгким облаком. Клетка и людская куча в углу растворились в тумане, оставив Саббатона одного...

Он долго брёл в плотной белёсой пелене, выставив руки вперёд, пока не упёрся в чёрную каменную кладку. Прикоснувшись к холодному камню, он пошёл вдоль стены и вскоре наткнулся на ржавую кованую дверь. Ребёнку стоило невероятных усилий сдвинуть с места проржавевший металл, но дверь все же поддалась. Сколько же она не открывалась? Год? Два? Скрипнув, она распахнулась.

Запах трав, исходивший изнутри, мгновенно перенёс мальчика в далёкое прошлое.

Никто не благоухал травами так, как целительница и травница семейства ди Ванэско — Жанна Аскорбби. Её комната была пропитана тем же сладким ароматом, что и она сама. В перерывах между лечением обитателей замка и созданием травяных настоек и мазей, она бродила по лугам и лесам, собирая целебные травы, корни и грибы.

В отличие от прошлого старого лекаря, изгнанного графом Аршаном ди Ванэско без жалования за то, что в один месяц от боли в животе умерли четверо слуг, Жанна была молода и красива.

А ещё она была женщиной, и юный граф внезапно ощутил к ней почти взрослый интерес.

Саббатон не понимал, что с ним происходит. Просыпается ли в нем мужчина, или это влияние каких-то таинственных сил?

Лишь потом, когда мальчика изгнали, Жанна открыла ему правду, признавшись, что с помощью специальной смеси трав она влияла на юного графа.

Но тогда мальчик не осознавал своего пробуждающегося влечения. Он видел перед собой красивую двадцатилетнюю девушку и чувствовал к ней необъяснимую тягу. Сначала он украдкой провожал её взглядом, потом подсматривал в коридорах и частенько, сам того не осознавая, сталкивался с ней. Жанна лишь одаривала его ласковой улыбкой и взъерошивала его волосы, отчего настроение мальчика взлетало вверх, а запах трав, всегда сопровождавший девушку, лишь усиливал его влечение.

Со временем Саббатон осмелел и стал преследовать Жанну повсюду. То он под любым предлогом врвался к ней в комнату, то следовал за ней до самого леса,

И однажды, когда мальчик направлялся по пустому коридору к себе в покои, Жанна встретила его с горшком какого-то отвара, улыбнулась, и всё бы закончилось, наверное, её улыбкой и подмигиванием. Но пройдя дальше, Жанна вдруг уронила этот горшок. Мальчик обернулся и застыл как вкопанный. Травница собирала по полу осколки горшка, а юбка задралась и обнажила ягодицы. Саббатона бросило в жар, и он, как и любой десятилетний мальчишка, только посмеялся бы, но терпкий запах трав ударил в нос и пригвоздил юного графа к полу, а взгляд к ягодицам. Мальчик сглотнул образовавшийся в горле ком и облизал высохшие губы и отчего-то сжал, и разжал кулаки, не в силах отвести взгляд. Он никогда не видел ничего подобного, и Саббатону сделалось плохо. Он почувствовал, что трясутся и прогибаются ноги, а в глазах потемнело. А Жанна, словно ощутила на себе взгляд мальчика, ещё и плавно зашевелилась, отчего у Саббатона вырвался еле слышимый вздох. Он тут же прикрыл рот, испугавшись, что травница его услышит, но было поздно. Стоило отвести глаза чуть левее, как он уткнулся взглядом в хитрые и насмешливые глаза Жанны.

Внимательно следя за мальчиком и его реакцией, она искусно подстроила все так, чтобы поймать его на крючок его же стыда. Алая краска залила лицо Саббатона, он опустил голову, но с места сдвинуться не смог. Жанна же, оглянувшись и удостоверившись, что никто не идёт, развернулась, демонстрируя мальчишке пышные груди, выгодно подчёркнутые внушительным декольте, и на коленях подползла к Саббатону.

Мальчик, дрожа всем телом, стоял с закрытыми глазами, боясь вновь их открыть и окончательно опозориться, когда женская грудь снова колыхнётся перед ним. Жанна, приблизив лицо к его лицу, заговорила жарким шёпотом. Он ощущал на себе её горячее дыхание и дурманящий запах трав, будоражащий всё его существо и разжигающий в нем неведомый доселе огонь.

— Ну что ты, мой хороший! Не бойся! — ласково проворковала она. — Ничего страшного не произошло. Совсем ничего. Поверь мне, — она положила обжигающую ладонь ему на шею, отчего мальчик вздрогнул, но вместе с тем по его телу разлилась приятная нега, а мышцы пронзила судорога. — Не бойся, милый. Просто ты становишься мужчиной. Вот именно! Мой маленький милый мужчина...

Прижавшись к нему щекой, она продолжила ласково нащёптывать ему на ухо:

— Всё, что ты чувствуешь, — это нормально. Такие чувства испытывают все мужчины. И твой хмурый отец, и твой пылкий старший брат. Просто у тебя эти чувства проявились впервые. Но... ты их боишься. А бояться не нужно! Привыкай к ним! Попробуй коснуться меня...

Она схватила руку мальчика и с милой улыбкой запихала за плотную ткань декольте. Саббатон почувствовал ладонью мягкую и нежную плоть. Тёплую и такую трепетную... такую...

В этот момент оцепенение спало.

Саббатон вырвал руку из женского захвата, развернулся и побежал, но резкий и злой голос заставил его вновь застыть.

— Стоять! Никуда не пойдёшь и никому ни слова не скажешь, иначе я так всё обставлю, что юному наследнику графа придётся всю жизнь в стыде прятать глаза!

Что она могла рассказать про него, Саббатон не знал. Он был слишком мал. Но то, что он уже видел, ему видеть было нельзя. И отец явно расстроится, узнав, что его сын подглядывал за женщиной. А может быть, и разгневается. Но больше всего мальчика терзал стыд, и он был уверен, что если отец или брат узнают, то это чувство его и вовсе убьёт.

— Не хочешь же ты, чтобы тебя наказали? — спросила Жанна уже мягче. Мальчик покачал головой.

— А ещё раз увидеть то, что видел? — вновь уточнила она. Саббатон хотел было уже отказаться, но дурманивший запах трав не оставил ему шансов. Сначала он даже не понял, что попал в жестокую ловушку, а когда осознал, то выбраться самостоятельно из неё уже не мог.

«Это правда? — вмешалась в сновидение Ваня. — И чем вы потом занимались?»

«Чем только не занимались... — отмахнулся Саббатон».

Прошло тридцать лет, и ему было всё равно, кто подсмотрит его секрет, тем более, если это некая эфемерная сила-призрак. Тем более, он так хотел спать, что сновидение вновь сомкнулось над ним, вновь отринув реальный мир от мальчика, а Ваня включилась в новые события...

Но ненадолго. Зажурчала вода, и мальчик резко открыл глаза. На него угрюмо смотрела девочка примерно его возраста. Она сидела над дырой в углу и, не стесняясь, справляла нужду.

«Боги! — воскликнул Саббатон. — Откуда в них столько дерьма? Солдаты хоть объедками кормили, а эти уже третий день ни крошки не дают! Как же...»

«Тебе какая разница?» — перебила Ваня.

«Да как же не разница?! Они мне спать мешают!»

«А тебе и нельзя спать, — заметила Ваня. — Так что, выходит, они тебя спасают...»

«Вот это да! А я и не подумал сразу! Вот это радость, вот это благодать!»

Но Ваня промолчала, а мир вокруг снова заволокло туманом. Саббатону вновь стало безразлично, кто и сколько изливает из себя нечистот. Организм не выдержал, и он почти мгновенно провалился в сон, но уже другой.

Глава 6. Наряд для Совета

(Юлия)

В разноцветном свете мозаики, где дивная зелёноволосая дева с пышным хвостом плескалась в лазурных волнах, купальня из тёмного пряного дерева отсвечивала бликами. Поднявшийся пар, окрашенный в причудливые тона, оседал на поверхностях дрожащими каплями. Юлия, выйдя из воды, специальным колокольчиком позвала молодую монахиню, приставленную к графине Орином-Юджиним.

В отличие от замковых водных процедур в ди Ванэско, здесь, в Леви, омытое тело не касалось ни полотенец, ни шерсти коз. Маги Леви предпочитали использовать свои чары. А для графини был выделен отдельный маг, вернее, ученица. Девушка, опустив глаза, вошла, украдкой скользнув взглядом по графине, оценивая объем работы.

Обнажённая графиня, вся в каплях воды, с длинными, до пят, темно-каштановыми, почти чёрными волосами, казалась полностью мокрой. Сушить и сушить, если бы юная волшебница не обладала даром магии. Оценив степень влажности, она улыбнулась.

— Как вы желаете выглядеть, ваше сиятельство? — спросила Фани.

Юлия, повернувшись вокруг, улыбнулась. Полные, округлые груди напряглись от этого движения, слегка вздрогнули, кожа на плоском животе, покрытом капельками воды, натянулась, обрисовав красивые мышцы. Бедра округлились, подчёркивая женственность и красоту графини, а волосы, рассыпавшись, осыпали пол новыми каплями.

— В этом вопросе я полностью тебе доверяю, Фани, — проговорила она. — У тебя, должно быть, больше опыта, чем у меня.

— Думаю, да, любезная леди, — согласилась Фани, смутившись и зардевшись. — Вы столь прекрасны, что и без одежды выглядели бы восхитительно, но...

— Но? — удивлённо переспросила Юлия, заглянув в девичьи глаза.

— Но это официальный приём, а если быть точнее, то Совет Семи, — крайне серьёзное мероприятие, и даже церемониальное, придётся наряжаться в неудобные одежды, — пожалала она плечами. — Да и совет — почти одни мужики. Им будет неловко на вас такую красивую смотреть.

— Это ты верно подметила, — согласилась графиня и рассмеялась. — Им точно будет неловко, если я выйду в том, в чём меня подарили боги. Но вот не могу сказать, что это будет удобно мне... я как-то не пробовала ни разу.

— Любая девушка, — тихонько сказала Фани и улыбнулась, — вправе распоряжаться своей красотой на своё усмотрение. Я имею в виду естественную красоту. Жаль, что мужчины этого не понимают...

— А ты мудрая не по годам, дорогая, — кивнула Юлия и подняла руки. — Ну что? Поможешь? А то они уже, наверное, в нетерпении стёрли все стулья.

— Да-да, — кивнула Фани и принялась за работу.

Лёгким взмахом руки она смахнула всю воду с тела Юлии, потом графиня почувствовала, как теплеет кожа, осушаясь. Необычные пасы руками и шевеление тонкими пальцами, и вот каштановые волосы Юлии зашевелились. Она даже слегка испугалась, а потом осознала, что её густая шевелюра под управлением Фани решила сама принять нужную форму и заплестись в красивую причёску. Посмотрев потом в зеркало, Юлия не смогла сдержать восхищённого возгласа. Волосы оказались уложены ровно, без выбивающихся волосинок, а две толстые косы завивались вокруг макушки на манер короны. Графиня повертела головой и осталась удовлетворена.

— Очень интересная магия, — сказала она Фани, обратив внимание, что девица полностью поглощена её телом. Она сверху вниз осматривала и, казалось, старалась запомнить каж-

дую деталь, каждую складочку на теле Юлии, отчего графиня слегка смутилась. Не всякий день так пристально рассматривают её прелести. — Ты всегда так оглядываешь тех, кого одеваешь?

— Простите, — смутилась Фани и подняла глаза. — Я забыла, что вы не в курсе моей особенности. Прежде чем кого-то одеть, я внимательно изучаю его тело, чтобы одежда получилась, а потом и сидела как надо и не приносила неудобств. Вы понимаете?

— Кажется, да, — серьёзно кивнула Юлия. — Думаю, удобство в одежде — это главное. Не буду тебе больше мешать, но ответь на мой вопрос.

— Конечно, спрашивайте, а я пока буду вас наряжать, — кивнула Фани и взмахнула руками. Открылись скрытые в стенах шкафы, и оттуда потянулись нитки. Они кинулись на Юлию и принялись опутывать её, скользя по телу. Некоторое время графиня поражённо смотрела на сие действо, а потом спросила:

— Вот ты сказала «внимательно изучаю его тело»... Ты имела ввиду Орина-Юджина? Ты же его тоже одеваешь после омовения?

— А у вас разве не так? — спросила, не отвлекаясь от колдовства, Фани, а потом вдруг вспомнив, что у Юлии теперь нет дома, поправилась. — То есть не так было?

— Да, конечно, у нас была специальная прислуга, но доступ к телу имела только к самым маленьким. Лет до десяти, а потом мылись и одевались сами. В том числе и отец — граф Кардан ди Ванэско. В обязанности прислуги входило только приготовление воды, подготовка одежды и уборка.

— Дело в том, что у нас нет прислуги, — ответила Фани, продолжая создавать одежду на Юлии. Уже появился мягкий и удобный корсет, который подчеркнул груди девушки, и длинные подштанники. Столь ладных вещей графиня никогда не имела, видимо, портные в замке не изучали девушку так же тщательно, как Фани. — У нас в обоих замках пятнадцать сотен послушников, или как у вас говорят — монахов, которые здесь ради обучения магии. И все послушники каждое мгновение посвящают волшебству. Подготовка ли, уборка ли, другие услуги. Каждый человек в Мазал Гур Дrame готов делать то, что умеет. И помогать этим другому в том числе.

— То есть это твоя обязанность? — уточнила Юлия, утоляя любопытство.

— Да, любезная леди, — кивнула Фани и принялась за работу над белым кружевным воротником. — Но раз уж вы завели об этом разговор, хочу заметить, что никакой интимной близости между нами нет. Во-первых, он никогда не предлагал, а во-вторых, у нас здесь царит атмосфера свободного и обоюдного желания. И для этих целей у меня есть другой человек. Очень красивый и... страстный. Да и нам с Орином-Юджином нельзя быть вместе в этом смысле. Никому нельзя делать с ним чьоки-чьоки.

— Почему же? — искренне удивилась графиня.

— Что вы! — слишком резко махнула рукой Фани, отчего белая нить выбилась из-под иглы. Девушка поджала губки, но вернула своенравную нить на место и продолжила. — Я всё время забываю, что вы не из этих мест. И что за Хребтом Аспекса вам вряд ли рассказывают историю мира. Нашего мира, конечно. А уж про отдельные королевства и речи не идёт, верно же?

Юлия кивнула. Ей сложно было объяснить, почему ей не преподавали историю даже своего рода, не то, что Тантары или Сэмена, который вообще не был известен большинству тантарцев.

— В общем, Сэмен — это семь государств. Шесть окружают одно. Все шесть — Эльтруссия, Тантанаси, Дурмандэг, Стеляд, Вериса и Самари — как бы сплотились вокруг центрального государства, нашего — Андрамена. Так вот, в каждом царстве есть правитель и маг. Например, в Эльтруссии это король Стронз Та Мэй и маг Огрин Стаас, в Дурмандэге — король Асканрис Варион, а волшебница, которую вы уже знаете, ведь именно она вас лечила,

Катрина О-Нелли. И в том же духе в остальных. А вот Анддраменом на данный момент правит единственный маг — Орин-Юджин аль Вааль. Но так было не всегда...

— Должен быть ещё король? — уточнила Юлия, когда Фани заканчивала рукав чёрной рубашки с прожилками серебряных узоров и оборки в стиле воротника.

— Нет, — возразила Фани, — должен быть ещё один маг. Она уже закончила белоснежную кружевную манжету и перешла на левый рукав. Чёрное полотно с серебристой вязью росло на глазах. Вдохнув, она принялась объяснять Юлии вещи, очевидные для Фани и любого другого жителя Сэмена.

— В каждой стране Сэмена должен быть один король и один верховный маг, — говорила она. — Власть магии помогает править королю, а также, конечно, предотвращает эксцессы со стороны недовольных колдунов и волшебниц, стремящихся к самовластию. Анддрамен же, сердце Сэмена, с давних пор, со времён живого Аспекса, управляется двумя магами, представляющими разные магические направления. К примеру, Правия считалась оплотом мага Света, а Левия — Мрака. Да, в сердце Сэмена должен жить маг Мрака. Союз мага Света и мага Мрака считается священным. От этого союза непременно рождается маг. Когда он взрослеет, то занимает одну из башен, а нового мага потом находят среди таких как мы — учеников — которые проявят себя наилучшим образом, то есть явят миру наивысшую магическую силу. Тогда ученика делают магом другого замка, и их союз всегда приносит более могущественного мага-наследника.

— Значит, — заметила Юлия с улыбкой, — кого-то из вас изберут в супруги Орин-Юджину.

— Увы, — печально покачала головой Фани. — Традиция прервалась несколько поколений назад. С тех пор так ни одного по-настоящему сильного мага среди воспитанников и не появилось. И больше не рождалось.

— А как же тогда продолжение рода? — удивилась Юлия. — Ведь для этого магии мало... Нужны обязательно двое... Чьоки-чьоки — это магия другого рода.

— Да, нужны, — со вздохом согласилась Фани. — В прошлые разы, конечно, выбирали из послушниц, но только когда маг старел и уже почти не мог иметь детей. В общем, брак со стариками — сомнительное удовольствие. А сейчас... — мечтательно улыбнулась Фани, заканчивая вторую манжету. — Он такой сильный, статный и... у него такое красивое тело. Увы, я не могу не замечать его мужскую красоту.

— Это понятно, — ободряюще улыбнулась Юлия. — Так может тебя и выберут в высшие волшебницы, и тогда всё получится... вон как ты управляешься с нитками. Настоящая чародейка!

— Нет, — возразила Фани, хотя ей стало приятно от похвалы. Она уже начала создавать чёрную, расшитую серебряными узорами прямую юбку. — Во-первых, мою магию здесь не считают за настоящую. Ту, которая нужна для правления и управления Сэменом. А во-вторых, послушники последний год бунтуют. Они объединились, решили и скрепили союз договором, что никто из магов-учеников больше никогда не согласится на такое унижение. Не очень приятно быть последним шансом для продолжения династии магов Анддрамена, особенно, когда тебя заставляют заниматься чьоки-чьоки со стариком или старухой.

— Да уж, — согласилась Юлия. — И представить не могу...

— Сможешь, — озорно сверкнула глазами Фани. — Очень скоро сможешь.

— Что ты имеешь ввиду?

— А ты не понимаешь? — Фани понизила голос до шёпота и украдкой оглянулась на дверь. — Тебя же на Совете Семи Орин-Юджин хочет предложить на роль мага Левии! А это значит...

— Что? — нахмурилась Юлия. Неужели Орин-Юджин всерьёз воспринял предсказание Оракулов? Неужели то, что сорвалось с его языка в день посещения Эля и Ёли, засело у него в голове и он всерьёз собирается предложить ей занять место мага Левии?

— Это значит, любезная леди, что чьоки-чьоки вы будете заниматься не со стариком! Орин-Юджин же лучшая партия в мире! Ну, то есть в Сэмене, но это всё равно что в целом мире. Я смотрю, тебе эта новость не по нраву?

— Это очень... неожиданно, — кивнула Юлия. — Я не то, что к этому не готова, но... меня ещё никто не спрашивал.

— Вот и хорошо, — сказала Фани, завершая длинную юбку белым кружевом. — Значит, будешь готова, когда тебе об этом скажут, и не станешь хмуриться и морщиться.

Пока Фани сосредоточенно доделывала наряд, Юлия погрузилась в грустные и тревожные мысли. Ей не нравилось, что Орин-Юджин без её ведома решил сделать её магом Мрака и поселить в башне Левии. Конечно, мысль о том, что с самым могущественным и красивым мужчиной Сэмена может случиться чьоки-чьоки, грела женскую гордость Юлии, но страшное пророчество спасённых графиней Оракулов толстой черной линией перечёркивало любые планы, мечты и желания жить в Сэмене и стать магом этой невероятно красивой горной страны.

Ещё Азраид ядовито указал, что Юлия направлена в Сэмен, чтобы уничтожить Совет Семи, а Оракулы лишь подтвердили опасения графини о её нелёгкой судьбе. Да и не могла она стать магом Левии, в конце концов!

В битве при Долине Оракулов и Красных драконов Юлия полностью лишилась всех волшебных свойств. Удивительная и ставшая воспоминанием погибшей сестры Ваня, олицетворение её сил и собственной упрямой сущности, исчезла из жизни графини и унесла с собой не только магическую основу девушки, но и какую-то частичку её самой. Отчего внутри стало пусто и холодно, будто внутри закатилось солнце и началась нескончаемая зима. И только тайное решение Орины-Юджина о назначении её магом Левии согревало Юлию, но обмануть его графиня не могла, а потому его будущее предложение будет отвергнуто.

Другого выхода просто нет.

Юлия, должно быть, вздохнула так тоскливо и громко, что Фани удивлённо заморгала.

— Что с вами, любезная леди? — с беспокойством спросила Фани.

— Ничего страшного, — тихо ответила графиня. — Просто мысли о будущем навевают грусть.

— Я вижу, вас что-то тревожит. — Фани на мгновение задумалась, а затем решительно сказала: — Позвольте я вам сделаю небольшой подарок.

Взмахнув руками, она сотворила из крохотного мотка серебряных ниток красивую бабочку. Бабочка взмахнула узорными крылышками и плавно опустилась на голову Юлии.

— Это самое большое, на что я сейчас способна, — печально улыбнулась Фани. — Эта бабочка будет светиться в темноте, если вам понадобится свет. А если вы попросите, она превратится в нить, которая вытянется и станет выше этой башни. Может быть, эта магия никогда не пригодится вам, но, любезная леди, даже она может иногда согреть печальное сердце.

Юлия тронула бабочку на своих волосах и с благодарностью обняла Фани.

— Теперь посмотрите в зеркало и принимайте работу, — сказала Фани, отстраняясь. — Я закончила, а вам пора бы поторопиться. Орин-Юджин уже давно ожидает вас в прихожей. Ещё когда я сюда заходила, мне показалось, будто его кровь кипела и бурлила в нетерпении увидеть вас.

Юлия зарделась и опустила глаза. Независимо от обстоятельств, ей было приятно внимание аль Вааля. Справившись с волнением, она подняла глаза к зеркалу и...

В зеркале отражалась красавица в чёрном платье, расшитом серебряными узорами. Белые манжеты контрастировали с загорелой от путешествий кожей, на которой всеми цветами радуги переливались блики света, проникающего через витраж с русалкой. Каштановые

волосы, заплетённые в корону, украшала серебряная бабочка. Карие глаза казались огромными, то ли от удивления, то ли из-за того, что волосы не затеняли их.

— Вы готовы, любезная леди? — повторила Фани. — Если на официальной церемонии Совета Семи, где обычно не танцуют, никто не захочет с вами потанцевать, то у них просто нет вкуса.

— Спасибо, Фани, — поблагодарила Юлия.

— Идите, он вас ждёт.

Юлия уже повернулась к двери, но на мгновение застыла. Её взгляд упал на драконьи доспехи и Гринандэр, стоящий рядом. Графине очень хотелось взять с собой оружие и защиту, ведь среди незнакомых магов и, особенно, королей она чувствовала бы себя неуютно. Но это было невозможно, и поэтому Юлия лишь сделала едва заметный жест рукой, будто прощаясь с вещами, и распахнула двери.

Перед ней предстала заставленная мягкой мебелью и столиками приёмная. Орин-Юджин, с нетерпением ковырявший ногтями дорогую ткань элегантного дивана на бронзовых ножках, вскочил при виде графини. Его лицо выражало неподдельное изумление. Он даже поспешно спрятал за спину руки, которыми до этого терзал диван, словно был не высшим магом Андрамена, а провинившимся ребёнком.

— Я готова! — уверенно провозгласила Юлия.

— Восхитительно! — прошептал Орин-Юджин и прокашлялся, будто потеряв голос. — Фани превзошла себя... Все будут ослеплены твоей красотой. Ты затмишь их. Королей. Понимаешь?

— Это плохо? — уточнила Юлия. — Они разочаруются?

— Скорее наоборот — ослепнут. Нет... поразятся и потеряют доводы, чтобы... — Юлия надеялась, что сейчас Орин-Юджин наконец откроет ей правду, но он снова заколебался и не смог произнести задуманное. — Чтобы!

— Чтобы что? — сухо спросила она, но маг лишь загадочно улыбнулся.

— Пойдём? Короли и маги в сборе, должно быть, с нетерпением ждут твоего появления. Все слышаны о твоей силе и о том, как ты сразилась с королём Тантары. И конечно, о твоей блистательной победе...

— Вряд ли простая красота способна обмануть королей, — покачала головой графиня, вспоминая недавние события в замке ди Ванэско и своих сестёр. Красота Лилии, например, не смогла противостоять коварству короля Эльмира Третьего. — У них всегда свой взгляд на вещи. И они трепетно к нему относятся, а значит, не терпят возражений.

— Юлия, мне кажется, вы преувеличиваете. Наши короли вряд ли сравнятся с вашими в коварстве. У нас здесь Свет, а не Мрак...

— Короли — это лишь люди, искусственно возвышенные над остальными. Если бы они сами добивались трона с самого низа, а не получали его по наследству, то, возможно, познали бы чаяния простых людей. Но так... Желание верить в добро королей у меня исчезло после того, как я своими глазами видела, как король приказал убить моих сестёр. И я не знаю, чем исправить это предубеждение.

— Пойдёмте, — улыбнулся аль Вааль. — Уверен, вы удивитесь. Не все короли одинаковы, как и люди, кем они, несомненно, являются.

— Хорошо, — согласилась Юлия и взяла мага за подставленную руку. — Послушаем, чем они здесь людей морочат.

Орин-Юджин неодобрительно покачал головой, но промолчал и вывел графиню из гостиной.

Глава 7. Кукла Алквиста

(Саббатон)

«Ну-ка, давай-ка! Показывай, что тут у нас? — бормотала Ваня, стараясь рассмотреть всё, что мелькало в утомлённой голове Саббатона.

Мальчик был против, но он настолько выбился из сил, что тонул в потоке картин и образов прошлого, которые извлекала из памяти чуждая для него сила. Ваня неторопливо перелистывала мгновения, а Саббатон дёргался во сне, словно котёнок, которому приснилась очень интересная и активная игра. Образы нанизывались один на другой, будто спелые ягоды на нитку. Хотя это сравнение не совсем точное. Эти ягоды были скорее похожи на гниющие ошмётки, так как у Саббатона они не вызывали ничего кроме отвращения к случившемуся много лет назад.

Хотя он и попался на крючок Жанны, как наивная рыбка, мальчик страстно желал с него слезть, ведь он чувствовал, что дёргается на блестящем металле, словно наживка, а крючок много больше его рта и явно не по мальчику размер удовольствия. Ведь то, что открыла перед мальцом Жанна, предназначалось обычно взрослому, и Саббатон, хотя и радовался как щенок куску мяса, не совсем понимал, отчего ему достался столь огромный кусок.

Мальчик первое время пытался избегать травницы, но терпкий запах уже таился в самых разных уголках замка и в итоге всякий раз вёл Саббатона к Жанне.

Её комната казалась таинственной и мрачной мастерской ведьмы. Длинные столы и высокие стеллажи были заставлены банками и горшками, мешочками и сухими травами и ветками. Запах здесь стоял ещё более одурманивающий, нежели шлейф, стелящийся за девушкой. Теперь Саббатон каждую свободную минуту стремился попасть сюда, чтобы просто наблюдать, как Жанна работает. Она толкла и смешивала травы, добавляла спирт и долго варила на медленном огне в тёмном почерневшем от сажи камине. А потом она всегда награждала мальчика, позволяя мельком увидеть свои прелести или, что ещё более одурманивающее для мальчишки, иногда коснуться их...

После таких сеансов мальчик, шатаясь, шёл по коридорам замка, а потом долго не мог уснуть, многие часы утоляя неестественную в столь юном возрасте жажду женского тела руками.

И однажды Жанна, подмигнув, сказала:

— Никогда! Запомни: никогда ты не должен идти за мной! Понятно?

Мальчик, хлопая глазами, кивнул. Но что для десятилетнего мальчишки такие запреты? Лишь возможность показать себя взрослым, нарушив их.

Думая, что никто его не видит, Саббатон выбрался из замка через скрытый ход. Считая себя чуть ли не невидимым, он скрывался за редкими деревьями, полз за мохнатыми и покрытыми травой кочками, по шею погружался в вонючую воду оврагов и всё-таки шёл за Жанной, которая отправилась собирать травы в дремучий лес на северной окраине графства.

Этот лес не считался безопасным. Дорога в Олуок проходила по его центру, и где-то посередине в глуши стоял пограничный пост с высокой башней. Если держаться дороги, то можно попасть короткой дорогой в Олуок, но если тебя понесёт по какой-то странной и надуманной причине в лес, то можно наткнуться на кого угодно. Ни граф ди Ванэско, ни его коллега граф Олуокский не собирались наводить порядок в лесу, тратя силы и драгоценных людей на это богами забытое место. А потому в донесениях сыскальной службы старому графу слишком редко появлялись потери сельского населения, посмеявшего нарушить запрет на посещение леса.

То дети там исчезнут, то женщины, то скот пропадёт. А однажды видели на опушке настоящего сэрила, которые обитают обычно на юге Хребта Аспекса.

Но как бы ни было страшно Саббатону идти в этот лес, запах трав и давно засевающие в голове прелести Жанны тянули мальчика за собой, словно привязанного на верёвку барана.

С дороги они свернули почти сразу, как за деревьями исчезло поле, и мальчику пришлось продираться через колючие ветки старых елей. С каждым шагом лес становился всё темнее и неудобнее, и очень хотелось повернуть назад, но искусно сплетённый Жанной невидимый силочек держал и не позволял Саббатону свернуть и броситься домой без оглядки. Даже страх уже не имел над мальчиком прежней силы. Он трясся от ужаса, но всё равно шёл за травницей. Его посещали мысли одна ужаснее другой о смерти и опасностях, подстерегающих за каждым широким стволом дерева, но ноги не могли остановиться. Они тянули его вперёд, а руки с особым удовольствием и силой хватались за усыпанные жёсткими иголками еловые сучья, словно боль была желанной. Страшные образы неведомых и опасных существ, создаваемых воображением из теней и слишком тёмных мест под деревьями, запускали длинные щупальца в душу и заставляли трястись, но прошедшая только что здесь Жанна и её дурманящий аромат, тянули сквозь все мнимые опасности и страхи, словно мальчик был обычной куклой на верёвочках. Ему казалось, что вот-вот сойдёт с ума от ужаса, раздиравшего душу, но время шло, лес становился темнее, и совершенно ничего не случалось. Получается, страхи его обманывали?

И только Саббатон начал привыкать к постоянной опасности, как деревья расступились, и он вышел на маленькую тёмную поляну.

Высокие ели обступали её со всех сторон и, казалось, загибались сверху и склонялись над поляной, словно купол. В центре лежал плоский камень, покрытый непонятными письменами, и рядом стояла Жанна. Она смотрела на мальчика и улыбалась.

Саббатон испугался, что травница его увидела, а значит отругает, и хотел уже нырнуть обратно в лес, но ветки вдруг стали такими густыми, что мальчик тыкался в них тут и там и не мог протиснуться.

— Что же ты убегаешь, милый Саббатон? — елеинным голосом спросила Жанна. — Неужто струсил? Столько сил положил и столько страхов преодолел, а теперь струсил?

— Д-да, — сказал Саббатон и, зажмурившись, развернулся. — Боюсь, что отругаешь за то, что не послушался и пошёл за тобой в лес.

— Конечно, отругала бы, если бы не хотела, чтобы ты пошёл за мной. — Травница расхохоталась. — А я так хотела этого. Прямо желала.

— П-правда? — переспросил мальчик и раскрыл глаза. В них появилась тревога. — Но зачем?

— Ты мне нужен, дорогой мой, иди сюда...

— Не хочу, — слабым голосом промямлил ребёнок, и Жанна рывкнула. Жёстко и зло.

— А ну иди сюда, маленький граф! Живо! — глаза её вспыхнули искорками в полутьме, а руки вознеслись вверх. — Не для того я опутывала тебя всё это время, чтобы сейчас позволить уйти. Не для того тянула за собой в лес, чтобы отпустить и потерять навсегда свои труды.

Саббатон почувствовал невидимые нити, за которые всё это время его и тянула Жанна. Он не мог сопротивляться, его тело словно само собой двигалось к камню.

Мальчик скинул с себя всю одежду, чувствуя, как по спине пробегают ледяные мурашки. Холодный камень обжёг его голое тело, когда он лёг на него. Пронзая руки и ноги сквозь петли сплетённых из дикой лозы верёвок, он с ужасом увидел блеснувший в руках Жанны нож.

— Ты убьёшь меня? — пролепетал он, чувствуя, как страх сдавливает его горло.

— Совсем ненадолго, — ласково сказала Жанна. Она провела лезвием ножа по его коже от шеи до паха и обратно. В другой руке она держала тряпичную куклу, набитую соломой. На её кривом лице сажей были нарисованы жуткие глаза и рот.

— Видишь? Твоя копия! — воскликнула Жанна. Я разрежу тебя и всуну внутрь куклу Кукуду, а к ней привяжу твои жилы, чтобы она управляла твоим телом, когда ты встанешь и пойдёшь обратно во дворец.

— Н-но зачем? — прошептал Саббатон, его тело сотрясала нервная дрожь.

— Ты убьёшь брата и отца, ведь они доверяют тебе, а из них я сделаю таких же послушных мне человечков...

— Так ты что... — его неожиданно пронзила ужасная догадка. — Ты ведьма?

— Ты так скривился, дорогой мой, будто это какой-то изъян. — Ведьма недовольно поморщилась. — А это ведь не изъян. Я даже больше скажу: быть ведьмой или колдуном — это благодетель, если конечно, понимаешь это. Наша необычность и уникальные способности позволяют управлять такими, как ты или твой напыщенный отец. Именно поэтому у таких, как ты, так страшно корчится лицо при любом нашем упоминании... Неужели боишься?

— Боюсь, — хрипло проговорил мальчик, но взгляд не сводил с алых губ ведьмы, белой шеи и пышных грудей, заманчиво выглядывающих из платья. — Но отдам жизнь ради тебя...

— Какой глупыш, — улыбнулась Жанна и ласково провела кончиком ножа по его молодому телу. — Но что тебе от этого? До способности возжелеть по-настоящему тебе ещё минимум пять или шесть зим надо прожить... а готов уже сейчас жизнь отдать. Громкие слова да и только. Все вы графы и герцоги, принцы и короли одинаковы — в ваших устах правда гниёт, превращается в гнусную похвальбу, от которой тошно...

— Я не хвастаюсь, — выдавил из себя Саббатон. Он был предельно серьёзен, и без колебаний подставился бы под стрелы или острый меч, попроси его об этом Жанна. Но пока он не мог донести до ведьмы свои истинные желания. Его по щенячьи пылающие глаза не могли объяснить ей то, что легко выражалось бы взрослым мужчиной одним лишь движением руки или даже брови.

— Правда? — ухмыльнулась Жанна, вознеся над мальчиком кинжал. — Тогда не будем терять время! Мне ещё зашивать тебя, а это мучительно и долго! Не так стежок сделаешь, и обратно распарывай...

Саббатон с силой зажмурился, ожидая в груди резкую боль от острого лезвия. Но время шло, а ничего не происходило. Лишь рядом раздавалось странное мычание и пыхтение. И вдруг кинжал упал ему на грудь плашмя, не причинив никакого вреда. Саббатон открыл глаза.

Жанна всё ещё была рядом. Она пыталась кричать, но её рот был забит травой, словно кляпом. Трава обвивала её тело и конечности, забиралась под одежду и тянула в стороны, словно пытаясь порвать.

— У-у-у! — только и могла промычать ведьма, пытаясь разорвать руками траву, но тщетно.

Рядом раздался голос незнакомки, и мальчик повернул голову на звук.

— Жанна, дорогая, что же ты тут делаешь? — спросила средних лет женщина, обходя с другой стороны жертвенный камень и ведьму. Она делала странные пасы руками, отчего трава рядом вырастала и шевелилась, словно живая, а ветки кустарника и деревьев тянулись к ней, заставляя Саббатона думать, что она тоже ведьма. Незнакомка была не менее красива, но её красота уже давно увяла, не в силах соперничать с молодостью и свежестью Жанны, и её дурманящими травами. Но, кажется, эта ведьма застала Жанну врасплох и одерживала над ней верх. Незнакомка подошла ближе, села на камень рядом с мальчиком — протяни руку, и он её коснётся, — и заглянула в испуганные глаза Жанны.

— Ты снова шкодишь, глупая ученица? — строго спросила Азалия. Жанна попыталась что-то сказать, но из её рта вырвалось лишь жалкое мычание.

— Сколько раз тебе повторять, что своими безумными поступками ты поставишь под угрозу всех ведьм на свете! Разве ты не понимаешь, что, убив виконта и сделав из него послушную куклу, которая убьёт своего брата и отца, ты накликаешь беду на всех нас... Стоило мне отвернуться, как ты снова за своё, дурочка! Что же тебе не хватает? — с этими словами Азалия сделала едва заметный жест, и заткнувшая рот Жанны трава выпала. Травница судорожно задышала, словно ей всё время не хватало воздуха.

— Ты... ты... я... вы... — пробормотала Жанна, едва переводя дух.

— Отдышись, дорогая, и подумай, что ты можешь сказать в свою защиту. Хорошенько подумай, ведь то предупреждение было последним. Если мне не понравятся твои доводы, я призову совет ведьм, и нам придётся избавить мир от тебя.

— Ты, как и все они, ничтожества! — воскликнула Жанна, наконец, обретя голос. В её глазах, помимо страха, пылала ненависть, а уста плевались ядом. — Ваас та смоас! Паршивые овцы! Вы все в этом ведьмином альянсе — паршивые овцы! Ваас та смоас! Я вас ненавижу, включая тебя, Азалия, и конечно, её — Андрэ Гаргонию си Вильву. И ту нору, что вы зовёте домом. Вернее... своим Логовом. Всё это ненавижу! И сотру когда-то в порошок, а пока... не мешай мне! Я хочу жить свободно и богато! И я начну так жить, чего бы вы там в альянсе о себе ни думали. И если вы будете мне мешать, я вспомню о вас! И, поверь мне, я постараюсь сравнять с землёй этот клубок гадин...

— Хватит! — рявкнула Азалия и жестом запечатала уста Жанны. Травяной кляп вновь вернулся на место, а шею девушки сдавила сплетённая из травы живая удавка. Травница задыхалась, её глаза чуть ли не вылезли из орбит, а лицо стало багровым. Саббатон ужаснулся: любовь всей его жизни, — так ему внушила Жанна, — вот-вот погибнет. И мальчик, охваченный страхом и неведомым ему доселе чувством, в отчаянии положил Азалии руку на коленку. Внутри него бушевала ярость, смешанная с чем-то запретным и будоражащим.

— Что это? — удивлённо спросила Азалия у задыхающейся Жанны, но та не могла ответить. — Как ты это делаешь? Отвечай!

Последнее слово ведьма произнесла с отчаянием в голосе и бессильно упала навзничь, раскинув руки поперёк мальчика. В этот же миг, словно повинувшись ей, замерли и живые побег, обвивавшие её тело. Жанна, жадно хватая ртом воздух, с удивлением уставилась на Саббатона.

— Что ты сделал? — прохрипела она, с трудом поднимаясь с земли, и схватила кинжал. Саббатон вновь зажмурился, представляя, как холодное лезвие пронзает его сердце, но ведьма не торопилась.

— Это ты ослабил её? — спросила она. — Но как? Как ты забрал её силы? Ты колдун?!

Мальчик открыл глаза и слабо пожал плечами. Жанна же с силой вонзила нож, но не в Саббатона, а в Азалию. Несколько резких движений, хруст костей, брызги крови на лице мальчика, и Жанна извлекла из груди ведьмы ещё бьющееся сердце. Алое, блестящее от свежей крови. Саббатон никогда не видел ничего подобного, но, в отличие от любого другого ребёнка, вид сердца не поверг его в шок, а наоборот, доставил ему жуткое, но странное удовольствие. Он заворожённо смотрел на Жанну, пока она откусывала и жевала сердце Азалии, растирая кровь по подбородку и груди, и мечтал лишь об одном — о её ответном чувстве. После такого чудесного спасения, она просто обязана была его отблагодарить.

— Замечательно, — сказала Жанна, причмокивая окровавленными губами, и посмотрела на мальчика сверху вниз. — Спасибо тебе. Ты спас меня и оказался не таким уж беспомощным, как я думала. Оказывается, ты колдун, и твой дар — притуплять чужую силу. И значит, ты будешь мне полезен. Верно?

Мальчик неуверенно кивнул, не понимая, что от него хочет ведьма.

— Я не убью тебя, чтобы превратить в игрушку, — продолжила она, хитро улыбаясь. — Я превращу тебя в послушную животинку. Такую собачку, которая станет выполнять все мои прихоти и всегда следовать за мной. Ты будешь ослаблять для меня ведьм, а я забирать их силы. Как сейчас... бедная Азалия...

Жанна подняла ладонь и взмахнула. Тотчас трава послушно заплясала вокруг жертвенного камня, словно подчиняясь её воле.

— Ещё ты убьёшь своего половозрелого братца, а я женюсь на твоём отце-вдовце, — продолжила она, её глаза горели алчным блеском. — Травы затуманят его мозг, как и твой. И стану графиней, а потом твой отец нас покинет следом за братиком. Здорово, да?

В Саббатоне рос ужас от слов Жанны. Не любовь, как он наивно полагал, а коварный план ждал его. Она не просто пленит его, но и его же руками погубит отца и брата. Отчаянно цепляясь за жизнь, Саббатон сделал единственное, что мог: коснулся её руки, пытаясь лишить колдовской силы.

— За дурака меня держишь?! — яростно прошипела Жанна. Тонкие, как паутина, растительные путы, до этого слабо натянутые поползли словно змеи, схватили запястья мальчика в жёсткий захват и растянули ребёнка, будто собирались порвать. От нестерпимой боли Саббатон вскрикнул.

— Теперь я знаю о твоей колдовской силе, юный маг, — ледяным тоном произнесла Жанна. — Убивать тебя не стану, но и на волю не отпущу. Сила твоя мне нужна. Сначала ты погубишь своего брата, а я околую твоего отца. А потом... увидим. Конечно, я могла бы просто поглотить твоё сердце и забрать твою силу, как и дар Азалии повелевать травами. Но вдруг я ошибусь, и твоя сила не перейдёт ко мне? Нет, пусть пока она остаётся в тебе. В таком пылком юном теле таится куда больше энергии, чем я могу себе представить. А ещё... пусть это станет твоим обрядом посвящения. Как известно, каждый маг или ведьма, служащий Мраку, должен совершить нечто ужасное, прежде чем обрести силу в полном объёме. Вот и для тебя это станет испытанием, после которого ты не сможешь вернуться к жалкой жизни обычного смертного. Сейчас и здесь ты должен либо лишить сил своего брата, а отца подчинить моей воле, либо же навсегда остаться ничтожным человечешкой, и мне придётся попрощаться с тобой. В таком случае твоё сердце станет моей трапезой. Итак, отвечай: хочешь ли ты жить?

Саббатону отчаянно не хотелось причинять вред ни брату, ни отцу, но жажда жизни взяла верх. Пелена, застилающая его разум и желающая жертвы собой ради Жанны, спала. Теперь он, маленький мальчик, осознал, что ещё слишком мал, чтобы умирать. Сжав зубы и крепко зажмурился, он кивнул.

— Превосходно! — воскликнула Жанна, воздев руки к небесам. — Теперь у меня будет свой верный щенок!

Мальчик остался лежать с зажмуренными глазами, сжигаемый стыдом и унижением. Травница попирала его честь и достоинство, а он, безвольный и беспомощный, ничего не мог сделать, чтобы спасти свою жизнь. Жанна же, небрежно стерев с его лица кровь, ткнула ею ему в грудь, заставив вздрогнуть.

— Ватца, мас миас враз! — трижды прокричала ведьма в исступлении, когда закончила выводить кровью древние символы на груди Саббатона. — Да возникнет связь между этим заморышем и этой дивной кукольной копией! И эту связь невозможно будет разорвать ничем, не убив живого... да будет так!

С этими словами Жанна подняла куклу Кукуду в воздух и воткнула ей в голову длинную иглу. Саббатон заорал ещё сильнее от невыносимой боли в голове, возникшей во время этого действия. Он орал долго и надрывно, а Жанна собирала пальцем кровь с подбородка, шеи и груди, отправляла её в рот и наслаждалась криком мальчика. И когда боль стала утихать, а Саббатон успокаиваться, ведьма прошептала на ухо:

— Если ты восстанешь против куклы, она причинит тебе такую же боль. А если посмеешь снова лишить меня силы, она убьёт! Слышишь?

«Боги Мрака! — вскрикнула Ваня, разрушив сон. Она появилась вместо Жанны и с ужасом смотрела на него. — Это невыносимо для ребёнка!»

«Ты первая, кто это видит, — прошептал мальчик, лежащий на холодных камнях. Он был совсем не похож на того монстра, в которого превратился сейчас, избавившись после тридцати лет от рабства. — Это лишь начало... Не стоит и говорить, что убить Кардана мне не удалось, ведь моя сила действует только на магические способности колдуний, а на простых людей нет. Тогда он и изгнал меня из замка. Следом вылетела разгневанная Жанна. С тех пор мы скитались по миру, забирая силу у доверчивых колдуний, поверивших обманщице. Я ослаблял их

силу, а она её отнимала. И я не знал, что тоже способен на это, но не как она, — пожирая их сердца, — а сам, иначе бы давно покончил с её властью. Ещё и эта Кукуду убила бы меня без суда и следствия за непослушание. Даже когда Жанна жестоко издевалась надо мной, била, ругала, приглашала мужиков и совокуплялась с ними на моих глазах, я не мог разорвать невидимую власть куклы. И лишь когда в моей голове появился Азраид и пообещал, что уничтожит Кукуду, не причинив мне вреда, только я должен впустить его в свою жизнь, а значит и в этот мир, свобода стала реальной. Осталось только...»

«Осталось только дожидаться Юлию и заманить её на бойню к тронгам... — мрачно продолжила за него Ваня».

«Не было иного выхода, — пробормотал Саббатон. — Мне уже за сорок, но я так и не повзрослел. И жизнь дарила мне лишь предательство да обман».

«Тяжела твоя доля, — отозвалась Ваня, глядя на него. — Очнись! Скорее! Или они тебя убьют!»

Саббатон вздрогнул, ощутив, как кто-то сел ему на голову. Он хрипел, тщетно пытаясь вдохнуть, задыхаясь под чужим зловонным телом. В отчаянной борьбе он извивался, но его придавили к полу, сковав руки, ноги и горло.

«Спаси! — взмолился он к Ване. — Я верну тебя сестре, когда она меня отыщет... Обещаю!»

«Договорились», — прозвучало в его угасающем сознании.

Глава 8. Суд королей

(Юлия)

Орин-Юджин вывел Юлию на открытую галерею, и девушку ошеломило открывшимся взору пейзажем. Галерея огибала замок Левии, плавно переходя в снежно-белый мраморный мост, на котором росло Дерево Примирения. Мост же, в свою очередь, спускался к такой же белоснежной галерее замка Правии, расположенного на соседней горе, изящно извивающейся вокруг своего соседа. В этот час пылающий закат окрасил дальние горы, пушистые редкие облака и стены замка Правии во все оттенки красного. Насыщенные кровавые тона взволновали Юлию, одновременно одарив чувством печали оттого, что эту красоту придётся скоро покинуть, возможно, навсегда. В глубине души зародилось тревожное предчувствие. Пока оно было неясным, но избавиться от него Юлия не могла. Алые цвета заката, напоминающие разлитую по миру кровь, будто предупреждали о грядущих ужасных событиях. Чтобы хоть как-то заглушить это чувство, графиня спросила:

— Орин, позволь уточнить... Я здесь уже полмесяца, но до сих пор так и не разобралась. Разве маги развивают свою силу?

— Да, — удивился аль Вааль. — А у вас не так?

— У нас, насколько я знаю, магия — это природный феномен. Зачастую ты о ней не знаешь, пока она не проявится сама. Так было со мной.

— Это не так, — улыбнулся маг. — Магия течёт в каждом человеке, но без тренировки она проявляется только у по-настоящему сильных колдунов и ведьм. Этими словами, кстати, принято называть как раз таких — природных — магов, у которых силы возникли сами по себе. А у остальных — волшебников и волшебниц — магия — это результат тщательного и контролируемого отбора юных дарований и развития их способностей путём долгих и упорных тренировок. Каждый человек может стать магом, но у большинства способности настолько малы, что они всю жизнь не замечают их. И магия ближе к старости постепенно выветривается из их заскорузлых душ.

— Душа... — протянула Юлия. — Что это?

— Ты и об этом не знаешь? — с нескрываемым удивлением воскликнул Орин-Юджин, внимательно вглядываясь в смущённое лицо Юлии. Она лишь беспомощно пожала плечами. — Душа — это и есть суть магии, наполняющая каждое существо. Не только людей, но и всё вокруг. Деревья, камни, горы — всё одушевлено. Даже светила — сияющее Солнце и таинственные луны, Энея и Яон. Только их души стары, как мир, поэтому практически недоступны для влияния. Именно благодаря душе мы и можем управлять предметами и творить магию. Когда две сильные души соприкасаются, происходит настоящее волшебство. А у некоторых людей душа настолько мощная, что она становится практически равной магу или ведьме. Она оживает и...

— Разговаривает с тобой? — с дрожью в голосе спросила Юлия.

— Именно! — восторженно кивнул Орин-Юджин. — В древних книгах по магии, хранящихся здесь, в библиотеке, описано несколько таких случаев. Маги, обладающие столь яркой душой, всегда становились по-настоящему великими...

— А эта душа... она может покинуть мага? И как её потом вернуть?

— Я, к сожалению, не изучал эту тему в деталях, милая леди, но полагаю, что да, это возможно. Душа любого существа может покинуть своего владельца, отсюда и выражение «бездушный». А вот как её вернуть, я, к сожалению, не знаю. Возможно, ответы на этот вопрос скрыты в книгах нашей библиотеки. Я с удовольствием покажу их вам, как только завершится Совет Семи. Хотите?

— О, это просто чудесно! — с сияющей улыбкой воскликнула Юлия. — С тех пор, как я стала ведьмой, мир вокруг меня будто перевернулся! Столько всего нового и удивительного я узнала, что голова кругом идёт. И всё это так интересно... Вот, например, — она заинтриговано посмотрела на Орин-Юджина, — я тут заметила одну любопытную вещь...

Они продолжили свой путь по изящному мосту, ведущему к замку Правии, и остановились у могучего Дерева Примирения. Его огромный ствол возвышался над мостом, а ветви, раскинувшись во все стороны, похожие на пышную крону, сплетались между собой, словно руки друзей. В центре моста под деревом был устроен специальный бассейн, заполненный землёй, но корни великана лишь слегка касались этой почвы, будто паря в воздухе.

— Не могу не обратить внимание, — продолжила Юлия, — что это дерево очень похоже на то, что изображено на знаке Балансора — Бога Справедливости. Там тоже есть две сплетающиеся горы: белая и черная. Но вот замков нет. Как вы думаете, это как-то связано?

— В нашем мире всё взаимосвязано, — мудро кивнул Орин-Юджин. — Я уверен, что между Великими Братями — Азраидом, Аспексом и Балансором — существует глубокая связь, и их символы во многом перекликаются. Не исключено, что и в обители Азраида есть похожее место, где горы извиваются причудливым образом, а Дерево Примирения скрепляет их своими ветвями и корнями. Наш мир — это сложное отражение взаимоотношений Владык, и ваше появление здесь, в сердце Света, будучи дитём Мрака, неслучайно.

— Но для чего? — задала Юлия вопрос, который мучил уже давно. Но в глубине души она уже знала ответ, который дал ей лично Азраид:

«Они все будут хотеть тебя! — воскликнул он, в его глазах горел огонь. — А значит, внутри их круга наметится противостояние! И оно будет только усиливаться с каждым днём! В этом и заключается ваше предназначение! Вы родились, обрели силу и лелеете её лишь для одной цели — уничтожить Сэмен. Сторону Света, в которую я пока не могу попасть и которой мне не суждено завладеть».

Но Юлия, конечно же, задала этот вопрос не из праздного любопытства. Она намеренно подтолкнула Орин-Юджина к тому, чтобы он наконец-то раскрыл ей свой истинный план по возвышению графини ди Ванэско до мага Леви. Однако аль Вааль не стал откровенничать.

— Чтобы помочь нам в борьбе с Мраком, — произнёс он. — Ещё во время битвы в Долине Оракулов мы, коллегия магов, собрались и приняли решение сделать тебя нашим союзником. А сегодня настал момент для официального приглашения, для чего здесь собрались все — и короли, и маги Сэмена.

Юлия не могла понять, правильно ли она истолковала намерения Орин-Юджина, или же он задумал что-то совершенно иное. Эти сомнения словно холодным душем обрушились на её радужные мечты о сказочной жизни в кругу волшебников Света. Теперь она опять оказалась в суровой реальности, где мнение женщины никого не интересовало. К тому же она была не просто женщиной, а магом из протектората их врага.

Неужели Юлию намеренно заманили сюда предложением о союзе против Мрака, а намёки Фани лишь подогрели её интерес? Но для чего? Неужели для того же, что и всегда — для обмана? Может быть, они хотели использовать графиню как приманку для Азраида? Ведь он, по их мнению, непременно явится сюда, чтобы спасти её, и тогда они смогут подготовить для Владыки Мрака ловушку.

«Какая же это глупость! — мысленно воскликнула Юлия. — Я сужу людей Света, их поступки и желания по меркам жителей Мрака. Может быть, не стоит оценивать их по своим шаблонам? Ведь это совершенно другие люди! И их мысли отличные».

Пока графиня боролась с терзающими её сомнениями, они проследовали по длинному коридору величественного белого замка и остановились перед высокой дверью, украшенной искусно выкованными из бронзы узорами. У неё несли охрану двое вооружённых до зубов стражников, сжимающих в руках острые пики и длинные кривые мечи на поясах. Заметив

приближение Орин-Юджина, старший из них сделал шаг вперёд и, слегка поклонившись, произнёс:

— Мой сир, — сказал он. — Всё готово. Ждут только вас и...

— И Юлию ди Ванэско, графиню ди Ванэско, — добавил Орин-Юджин. — Так её и представь.

Когда старший стражник, повернувшись, собирался исполнить поручение, аль Вааль его остановил:

— Погоди, а на месте все?

— Почти, мой сир, — склонив голову, ответил старший. — Не хватает только госпожи Катрины О-Нелли. Она отправилась во внутренние покои. Сказала, что прошлый раз там что-то забыла. И добавила, что вы знаете, что...

— Могла бы послать кого-нибудь... — пробормотал Орин-Юджин, явно смущённый намёками на то, что он якобы знает, что забыла Катрина О-Нелли прошлый раз.

В этот момент в голове Юлии закрались подозрения на счёт их связи. Не является ли О-Нелли той самой девушкой, с которой Орин-Юджин может на досуге «делать чьоки-чьоки»? Ведь она не только красивая ведьма, но и, насколько Юлия могла судить по тому, как Катрина исцелила её от тяжёлых ран, самая одарённая на данный момент во всем Сэмене. И не будь Юлии, к которой Орин-Юджин начал срочно подбивать мосты в надежде сделать своей дамой и магом Левии, О-Нелли была бы единственным кандидатом на должность мага Левии и... супруги аль Вааля. Уж не кроется ли в этой интересной мысли зерно истины?

В этот момент за их спинами раздались торопливые шаги, и к ним подбежала Катрина О-Нелли. В руке она сжимала какую-то грязную тряпку, пропитанную кровью. Юлия отметила, что этой красавице с белокурыми волосами на вид было лет двадцать пять. Стройная и подтянутая, она была облачена в зелёный кожаный наряд, подчёркивающий стройность её фигуры. В душе графини зародилось новое чувство — необычное, неприятное, но вместе с тем очень сильное. Это чувство подсказывало ей, что перед ней соперница, от которой нужно как-то избавиться. Юлия даже почувствовала жалость к Орин-Юджину. Он видел перед собой идеальную кандидатуру на роль мага Левии — Катрину О-Нелли, но почему-то хотел сделать магом совершенно неизвестную девушку из Тантары. При этом он ещё не знал, что Юлия потеряла свою силу. И даже не подозревал, что она была послана Азраидом, чтобы разрушить Сэмен, и что она мечтала как можно скорее покинуть эту проклятую Светом страну...

— Ой вей, Орин, наконец-то я забрала святую перевязь своей матери! Она осталась здесь после прошлого собрания Совета Семи. Святая перевязь...

— Да-да, знаю, — отмахнулся Орин-Юджин. — Реликвия, передаваемая в вашей семье из поколения в поколение. Никакого отношения к магии она не имеет, но когда-то, будучи повязкой на ране короля Дурмандэга Ааскифа Второго, спасла ему жизнь и... даровала одному из твоих предков место придворного мага и силы исцеления, которые передаются по наследству каждой из вас.

— Именно, — смутившись, пробормотала Катрина О-Нелли и добавила: — Да и я с ней чувствую себя увереннее.

— Ну что ж, — произнёс Орин-Юджин, — ценная вещь вернулась к своей владелице. Отлично. Но хочу вам напомнить, что мы здесь собрались по другому поводу.

— А! Да! — Катрина, будто только что заметив Юлию, широко улыбнулась. — Как твои дела? Как заживают твои... раны?

— Спасибо вам большое, всё хорошо, — ответила Юлия. — Благодаря вашим стараниям я осталась жива, и даже шрамов не осталось.

— Не стоит благодарности, — отмахнулась Катрина. — Ты избавила мир от гораздо более страшной угрозы. А я лишь направила твою плоть на путь исцеления. Всё остальное она сде-

лала сама. Что поделатъ. Хоть магия воздуха и целительство не имеют ничего общего, но моя мать была наследственной знахаркой и передала мне часть своих знаний...

— Милые леди, мы здесь по одному очень важному делу... — напомнил Орин-Юджин.

— Да, Орин, — Юлия была уверена, что в глазах Катрины она уловила обожание. Такой взгляд бывает только у щенков, смотрящих на своих хозяев. Может быть, не всё так плохо, и Орин-Юджин не знает о её чувствах? Или знает, но не отвечает им?

«И когда ты, Юлия, стала знатоком человеческих чувств? Скорее всего, всё совсем не так, как тебе кажется...»

— Капитан Скандард, — кивнул Орин-Юджин старшему стражнику. — Представьте нас, и прошу начать.

— Слушаюсь, мой сир, — ответил Скандард, терпеливо ожидавший распоряжений на некотором расстоянии. Он дал знак стражникам, и те отворили высокие и тяжёлые двери в сумрачное помещение. Капитан первым шагнул внутрь, и следом раздался его торжественный и гулкий голос:

— Катрина О-Нелли, маг Дурмандэга, Орин-Юджин аль Вааль, высший маг Андрамена, и... Юлия ди Ванэско, графиня ди Ванэско из Тантары, страны за Хребтом Аспекса.

В этот момент Юлия ощутила прилив паники. Ноги и руки внезапно одолело оцепенение, а внутри неё родилось какое-то мерзкое чувство, будто изнутри её терзало нечто неизвестное. Желание вести обычную жизнь с нормальными людьми боролось с нежеланием причинить им зло, ведь слова Азраида о том, что она послана в Сэмен для его уничтожения, несли в себе угрозу не только для этой страны, но и для всего мира.

Она сжала руки на животе, пытаясь сдержать этого внутреннего монстра, и вдруг встретила взглядом с голубыми глазами Орин-Юджина, который, видимо, почувствовав её состояние, задержался, чтобы поддержать.

— Не бойся, — прошептал он. — Я буду рядом и подскажу, если что. Расскажу немного о любом, кто будет говорить. Хорошо?

Юлия кивнула, и аль Вааль улыбнулся. Эта улыбка немного успокоила внутреннего монстра в ней, и графиня, слегка расправив плечи, убрала руки от живота.

— Ты готова? — снова шепнул он.

Юлия снова кивнула и через мгновение шагнула следом за аль Ваалем.

Как же ей скрыть от всех, что она потеряла свою силу, и как потом незаметно исчезнуть из Андрамена?

В обширном зале с высоким арочным потолком парили огненные шары, освещая поддерживающие свод колонны и стены, расписанные многочисленными картинами. На них были изображены неизвестные короли, маги, а яркие батальные сцены на полотнах рассказывали о победах, вероятно, свершавшихся в далёкие времена.

Под высокими сводами, на полу, покрытом мозаикой, изображающей два замка с пышными деревьями, полукругом были расставлены семь постаментов. На каждом из них красовались два кресла, обитые бархатом глубокого пурпурного цвета. Мужчины в богатых одеждах восседали на этих тронах, за исключением центрального постамент, где оба кресла пустовали, и одного из кресел на третьем постаменте справа от центрального.

К этому-то пустому креслу и устремилась Катрина О'Нелли. Значит, именно этот, третий слева постамент, символизирует её страну — Дурмандэг. А бородатый мужчина средних лет, облачённый в золотое одеяние и увенчанный короной, был, без сомнения, Асканрис Варион, правитель Дурмандэга.

В этот момент капитан Скандард громко произнёс:

— Орин-Юджин аль Вааль и графиня Юлия ди Ванэско!

После этого они с Орином прошли к основанию полукруга, где на полу была искусно выложена мозаика, изображающая Дерево Примирения. Остановившись, Юлия невольно заме-

тила, что лица магов выражали явное дружелюбие, в отличие от сумрачных взглядов королей. Однако с правителями ей ещё не доводилось встречаться, и она не могла знать, какого мнения они о ней придерживаются. Возможно, их отношение к ней будет далеко не столь благожелательным, и тогда добиться своей цели ей окажется гораздо сложнее.

— Уважаемые члены Совета Семи, — торжественно начал Орин-Юджин, — мы собрались здесь, чтобы...

— Орин, — перебил его седовласый мужчина в черной бархатной мантии с тонким серебряным обручем на голове, сидящий слева. Это должно быть король Эльтруссии... — Прошу тебя занять своё место, и тогда Совет сможет начать работу в соответствии с протоколом.

— Дорогой Стронз, — вновь попытался начать свою речь аль Вааль, но Стронз Та Мэй, король Эльтруссии, снова его прервал.

— Мы прекрасно знаем, зачем вы, маги, созвали нас здесь, — пронзительно произнёс король Эльтруссии, и Юлия невольно поёжилась от ледяного холода, исходившего от его слов и пристального взгляда небесно-голубых глаз. — Вы не только посмели явиться с этой ведьмой из Тантары в самое сердце нашего объединения, но и намереваетесь ввести её в состав Совета Семи! Не хватало ещё сделать её правительницей Анддрамэна!

— Стронз, — Орин-Юджин предпринял ещё одну неуклюжую попытку возразить королю, но, запнувшись, умолк. Та Мэй метнул на мага острый взгляд и внезапно разразился громким, заразительным хохотом. Все присутствующие, кто с недоумением, кто с усмешкой на лицах, повернулись к нему. Юлия не понимала, что могло его так насмешить, но его следующая тирада расставила всё по местам.

— Что?! — сквозь грохот смеха воскликнул Стронз Та Мэй. — Так ты и вправду решил сделать её своей супругой и магом Левии?! Покажи-ка, милый мальчик, мне тех глупцов, кто посмел залезть тебе в разум и вложить столь нелепую идею в твою голову! Ведь если их нет, то получается... что дурак здесь ты!

— Я требую от тебя немедленно успокоиться, Стронз! — Орин-Юджин, наконец, справившись с волнением, надменно поднял брови. — Твой грубый, как у горного барана, нрав не даёт тебе права оскорблять кого-либо, тем более, членов Совета. Решение о принятии Юлии ди Ванэско в Совет Семи было принято всеми присутствующими здесь магами. И пока ты не выслушаешь наши доводы, твои пылкие речи — ничто иное, как жалкие вопли базарной ба...

— Все вместе? — переспросил Стронз, с трудом сдерживая смех, и по очереди посмотрел на каждого мага, присутствующего в зале. — Вы серьёзно? Вам всем одновременно мозги отшибло на поле боя?

— Стронз, — оборвал его хриплый голос худого лысого мага с третьего постаменты. Старик I — повелитель грома и молний, бурь и ураганов. — Ты бы, право, проявил уважение к своим коллегам...

— Уважение? — с негодованием воскликнул король Эльтруссии. — О чем вы вообще говорите? А! Наверное, о том безумном решении нашей «магической» половины Совета отправиться в логово Мрака, чтобы сразить его там! Уважать вас за то, что, вопреки нашим возражениям, вы ринулись за Хребет Аспекса, где не только потерпели фиаско, но и притащили сюда частицу этого самого Мрака...

— Успокойся, Та Мэй, — попытался урезонить его один из королей. — В тот раз возражал только ты один, а остальные, включая твоего мага, были за. И только тебе идея задушить Мрак в зародыше, на его же территории, показалась идиотской.

— Потому что я единственный на этом собрании здравомыслящий человек! — вскричал Стронз.

— И поэтому ты не хочешь никого слушать? — с сарказмом поинтересовался король.

— А есть, что слушать? — изумился Стронз. — Да это Оракулом не надо быть! Вы все ослепли, а мальчишка одурел от мнимой взрослости и... от безумного желания поскорее

заняться «чьоки-чьоки»! И в том, чтобы тащить невесть кого на роль Верховного мага Анддрамена, да и к себе в постель... я не вижу ни капли здравого смысла!

— Она не «невесть кто»! — воскликнул маг из Тантанаси Зной Эскарико. — Она сразила Короля Эльмира Третьего, чья дочь была воплощением, частичкой Азраида! Она положила конец его походу против Оракулов и Красных драконов, и спасла двух Оракулов! Этот поход должен был продолжиться через Хребет и завершиться по эту его сторону, в твоём, кстати, королевстве, а значит, она избавила от угрозы всех нас!

— А потом она явилась сюда... — с упрёком в голосе произнёс король Эльтруссии.

— Это мы её пригласили, — спокойно парировал Орин-Юджин.

— Ваши глаза и уши застилает Мрак, оттого вы не осознаете своих поступков! Вы как овцы, которых обхитрил волк, а потом подсунул в отару своего щенка!

На этих словах все маги вскочили со своих мест и принялись разгорячённо что-то доказывать Стронзу. В зале поднялся невообразимый гвалт. Юлия, готовая закрыть уши руками, сдерживала себя, понимая, что такой жест может быть истолкован не в её пользу.

— Мы хоть что-то предпринимаем, а ты что?! — негодуя крикнул Орин-Юджин.

— А я готов отречься от трона, лишь бы помочь своему народу! — с жаром ответил Стронз.

— Мы это запомним. А пока...

— А пока у меня одного здесь здравый смысл остался! — грозно заявил Стронз. — И я ни за что не позволю вам ввести её в Совет!

— Но в жены ты не запретишь её взять! — с гневом в голосе воскликнул Орин-Юджин. — Она — Семя!

— Я не запрещу! — кивнул Стронз. — А вот традиции — да! Ты не посмеешь! Кандидата нужно проверить и одобрить! А ровно половина из нас не видела её в деле! И что? Ты хочешь, чтобы мы закрыли глаза и представили, на что она способна?

— Она тебе продемонстрирует! — с жаром вскричал аль Вааль. — И я не позавидую тому, кому придётся испытать на себе её силу!

Сердце Юлии бешено заколотилось. Вот и всё. Теперь ей предстоит доказать всем, что она владеет магией.

— Сядь! — рявкнул Стронз, указывая на постамент Анддрамена. — Нечего обо мне заботиться! Сядь на своё место, а мы с ней... разберёмся! Что касается Семени... мы все здесь собрались, чтобы выяснить это. Или маги решили взять на себя всю полноту власти в Совете? Вы все решили проигнорировать наше человеческое начало в лице королей? Нет? То-то же! Давайте успокоимся, и я поговорю с нашей гостьей. В конце концов, кто, как не Эльтруссия, нуждается в сильном маге? Ведь именно мы находимся прямо за Хребтом Аспекса, и именно нас первыми сомнут войска Мрака. А вы, если она окажется Семенем, решили спрятать её от мира и оставить Эльтруссию один на один с врагом? Беззащитной? Если Совет Семи и существует, то только для того, чтобы защищать каждого из нас. А мы, стоящие на передовой линии обороны, в этой защите нуждаемся как никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.